

ДМИТРИЙ
НЕНАДОВИЧ

АНТИ- ДУХЛЕСС

ПЦ «Мульти Медиа»

Дмитрий Михайлович Ненадович

Анти-Духлесс

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=415932

Аннотация

Юмористическая пародия на «Духлесс» и «The Telki» с элементами сатиры. Герои и места действия почти те же самые (Москва как захолустный пригород Люберец и Питер). «Анти-Духлесс» – это попытка взглянуть на мерзопакостные в своей беспредельной понтовости инсинуации «Духлесса» и «The Telok» под несколько другим углом зрения. При этом гротесковые формы принимают образ жизни и приобретенные физиологические особенности современных «настоящих маркетологов», неистово «мерчендайзерствующих в аутсорсинге» на отечественном базарном рынке. В конце концов неумность «маркетологов» в быту приводит к праведному гневу князя тьмы (топ-менеджера ЗАО «Ад»), который вынужден вмешаться в происходящее по вполне прагматичным соображениям...

Содержание

Краткая история критики бездарности и особенности отечественного мерчендайзерства	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Ненадович

Анти-Духлесс

(или страсти по The Mokroshelkam)

(Повесть о душевных муках настоящего маркетолога)

Новейший социализм (по нашему, читай **капитализм**, прим. авт.) по своему содержанию является, прежде всего, результатом наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе **антагонизмом** между **имущими и неимущими** классами, капиталистами и наемными рабочими, с другой – над **анархией**, существующей в производстве.

На первой же странице его господин Дюринг возвещает о себе как о "том, кто берет на себя представительство этой силы (философии) в данную эпоху и на ближайший обозримый период времени". Таким образом, он провозглашает себя единственным истинным философом настоящего времени и «обозримого» будущего. Заметим сперва, что только при дюринговой **влюбленности в самого себя** этот взгляд мог показаться ему столь «**своеобразным**»

Порабощение всегда служило, употребляя элегантное выражение г. Дюринга, "средством для **удовлетворения потребностей желудка**"

«Насилие и труд – вот два главных фактора, которые участвуют в образовании социальных связей».

"Собственность на капитал, – говорит он, – не имеет никакого практического смысла и не может быть реализована, если в нее не вложено одновременно косвенное **насилие** над человеческим материалом. Результатом этого **насилия** является **прибыль на капитал**, и величина последней зависит поэтому от объема и интенсивности этого применения господства.

Г-н Дюринг поражает нас все больше и больше. В теории стоимости и в последующих главах, вплоть до **учения о конкуренции** включительно.

Количество **преступлений** возрастало с каждым годом. Если **пороки** феодалов, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь на время стушевались, зато тем пышнее **расцвели** на их месте **пороки** буржуазии, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более и более проникалась **мошенничеством**. Революционный девиз «братство» осуществился в **плутнях** и во **вражде** конкуренции. **Подкуп** заменил **грубое насилие**, и, вместо меча, главнейшим рычагом общественной жизни стали **деньги**. «Право первой ночи» по наследству перешло от феодалов к фабрикантам. **Проституция** выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак превратился в законно признанную форму **разврата**, в его официальный покров, дополняясь к тому же **многочисленными незаконными связями**.

Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому оба они **не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах**, а должны согласоваться между собой.

... останется вне конкурса слава человека, сконструировавшего свое грехопадение при помощи двух мужчин...

Возвратимся, однако, к нашим молодцам. Робинзон "со шпагой в руках" (поразительное дюрингово невежество – откуда у Робинзона вдруг взялась шпага? Прим. автора) обращает Пятницу в своего раба. Но для этого кроме шпаги (?) Робинзону нужно еще кое-что. Не всякий может воспользоваться трудом раба. Чтобы извлекать из него пользу, необходимо заранее приготовить, во-первых, материалы и орудия труда, во-вторых, средства для скудного пропитания раба. (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1878 г.)

Всем героям, одолевшим Духлесс с The Telkami (в совокупности или порознь – не имеет значения), пусть даже и не в полном объеме, посвящается.

WE HAD A GOOD TIME

Самым бездарным в амбициозности своей представителям поколения 1970–1980 годов рождения. Безграмотным и беспринципным. Пребывающим в постоянном поиске возможности с упоением рассказать о своих пороках всему миру.

Игорь Бухаров, Константин Рыков, Виталий Нотов – в этот раз вы сильно погорячились.

*I'm on business here
Our firm's products are in great demand
I've never heard people¹ talk so much about politics
I suffer in silence
We don't live to eat
What's on at the circus tonight?
Let's hope for the best*

Все совпадения с реально живущими персонажами, фактами и явлениями далеко не случайны. Все события и герои, вся мерзость и ужасы взяты из реальной маркетинговой жизни. Ибо любой вымысел будет гораздо менее омерзительным и ужасным...

Краткая история критики бездарности и особенности отечественного мерчендайзерства

В далекие-далекие времена, в период зарождения в обществе ныне здравствующих капиталистических отношений, жил на свете Евгений Дюринг (отчества за давностью прошедших лет никто припомнить уже не может). С некоторых пор возомнил он себя выдающимся социал-экономистом современности и принялся сочинять всяческие рассказы об окружающем его бытии. Рассказы были очень яркими и современными. Они очень быстро овладели умами самых бестолковых господ из читающей части тогдашнего населения. А все потому как не стеснялся неистовый Евгений повсеместно использовать яркость образов, заимствованных из самых значительных литературных произведений того времени. А что касалось величественности неких обобщений и смелости выводов, тут Евгений просто зажи-

гал! И многим это нравилось. Только вот был в этих дюринговых рассказиках один недостаток – полное отсутствие смысла. Вернее, кое-какой смысл, конечно же, в его книжонках присутствовал, но очень далек он был от действительности. Вот кто, к примеру, может сказать, что в произведениях Д. Р. Р. Толкиена нет смысла? Если таковые и найдутся, то, почти наверняка, это будут либо очень неумные люди, либо человеческие особи, напрочь лишенные воображения. А на таких и не стоит даже вовсе заморачиваться, не стоит вовсе тратить на них ни бумагу, ни драгоценные биты информации. Лучше их израсходовать на что-то другое. В особенности бумагу. Но ведь мистер Д. Р. Р. Толкиен никогда открыто не претендовал на научность и историчность своих произведений. Он просто рассказывал эти сказки на ночь своим деткам, а потом вдруг понравилось все это ему самому. А когда понравилось, закралась капиталистическая мыслишка: «А не нарубить ли на этом бабла?!» И пошло, и поехало. Экранизация за экранизацией. Одна страшней другой. И если бы толкиеновские детки все это в начале славных дел на ночь смотрели... В общем, не состоялся бы Д. Р. Р. Толкиен никогда как писатель. А так вот состоялся. Потому что не претендовал ни на какую научность. Сказки и все тут. А вот ошибка некоего Евгения Дюринга как раз-то и состояла в том, что он пытался доказать, что все его ошибочные измышления имеют под собой реальные основания, и даже претендовал на глубокую научность изрекаемой им чуши. И делал он это, надо сказать так нагло и беспринципно, так напористо утюжил он незрелые мозги бестолковых своих почитателей, что многие признанные научные авторитеты тогдашней современности впали в полную растерянность и не могли никак сообразить, когда, как и в какой форме можно всю эту чушь изобличить. А воинствующая серость тем временем продолжала набирать обороты. Так всегда, между прочим, с чушью этой всегда и происходит. Чем она наглей, тем она почему-то оказывается привлекательней для основной массы пипла. И поэтому, тем больше эта чушь нуждается в собственном умерщвлении. Мгновенном умерщвлении еще в самом своем зародыше. Потому как наступает момент, когда она становится самой себе омерзительной. Так в чем же, собственно, дело? Почему же в те далекие времена не воспользовались каким-нибудь подходящим с точки зрения права моментом, не прихлопнули и быстренько так не зарыли остывающий труп этого подлого эмбриона? Почему, наконец, выпустили тогда этого уже успевшего протухнуть джина из его плесневой бутылки?

Все дело в том, что все эти по тогдашним меркам знаменитости хотя и действительно, наверное, были выдающимися учеными того времени, но имели они один общий недостаток. Недостаток, который порой перечеркивал все их достоинства и состоял в том, что были они все, как на подбор, беззащитными интеллигентными хлюпиками. Хлюпики эти все время были в своих больших кабинетах за массивными столами из красного дерева о каких-то надуманных проблемах общества. Но надо отдать им должное, периодически демонстрировали они и приступы коллективной неврастении, переходящие в классические формы буйно-массового помешательства. И это массовое буйство ученого сообщества воинствующих хлюпиков помогало-таки иногда достичь какого-либо практического результата. Вот и в том конкретном случае начинающие свирепеть хлюпики-ученые сначала постоянно о чем-то переписывались, иногда собирались вместе и непрерывно гундели о научной этике, спорили по поводу самых вопиющих дюринговых заявлений. При этом отдельные из них впадали в полную прострацию и вдруг начинали гундеть о том, что в этой дюринговой чуши что-то все же есть. Какая-то социально-экономическая изюминка. И это были первые признаки проникновения смертельной заразы в стерильную ученую среду. И самым продвинутым из всех вдруг стало понятно, что это мракобесие пора останавливать. И чем быстрее, тем лучше. Но вот кто этим займется? И замечались они в очередной раз в суетливых поисках достойной кандидатуры-киллера. Замечались, засуетились и опять же свалились эти рафинированные особи в свои длительные словоблудия. В ходе этого коллективного онанизма, наконец, выяснилось, что никому из них это не под силу. Слишком сильно надо было нарушить научную

этику. Этого мягкотелые интеллигенты от науки не могли себе позволить. После таких надругательств над этикой им пришлось бы всем сразу застрелиться в тиши своих большущих кабинетов. Или же всем одновременно залпом осушить полные яда бокалы на очередном нудном своем сборище. Одним словом, пришлось бы им совершить тогда акт коллективного самоубийства. А это в планы неврастеников никак не входило. Очень они любили свою псевдонауку. И хотели еще посидеть за своими массивными, обтянутыми зеленым сукном столиками. Ну и кто же тогда, господа чистоплюи, должен выступить в роли ассенизатора от науки? Долго они опять то судили, то рядили. Собирали друг на друга различные сплетни и кулуарно перемывали друг другу тонкие аристократические косточки. И, наконец, сошло на них озарение. Наступило-таки оно, коллективное это прозрение. Как же раньше-то им было до таких простых вещей-то не додуматься?!

Дело в том, что в те далекие времена жил на свете очень продвинутый в науке и, чисто конкретный такой, чел. Звали его Карл Маркс. Несмотря на свою известную ученость, он был начисто лишен всяческих интеллигентских комплексов. Он всегда считал их абсолютно лживыми в извечной своей слюнявости человеческими пороками. Поэтому не гнушался он, например, после принятия изрядной порции пива разбить парочку другую уличных фонарей и быстро скрыться с неосвещенного места. А что? Классикам им ведь ничто человеческое не чуждо. Они ведь как обычно поступают: корпят, корпят над своими нетленками в полнейшем психологическом напряжении, а потом вдруг – раз и ступор. И ни туда и, ни сюда. Срочно нужна психологическая разгрузка. Обычно в этом случае классики азартно поколачивают своих жен, горничных или, когда совсем уж разойдутся – любовниц. А вот Маркс – нет. Не таков он был. Очень отличался он от большинства классиков. Исключительно на уличных фонарях он специализировался. Разобьет из под тишка и быстро убежит. Полиция даже и не пыталась его никогда догнать. Что толку-то? Сразу ведь было видно, что это классик бежит. А что можно было взять с классика? С него, классика, как с гуся вода. И зачем тогда бегать за ним? Никто и не бегал. А факт этот был документально засвидетельствовал наш пламенный анархист Плеханов, имевший неосторожность попить пивка с классиом.

Но при всем при том, несмотря на такое вот свое классически нестандартное, можно даже сказать девиантное поведение, был этот Маркс настолько велик, что заниматься такой шушерой как некий Дюринг (пусть бы был он даже и трижды ЕвГений), ему было абсолютно не по понятиям. Да и недосуг ему, в общем-то, было в то далекое, можно даже сказать эпохальное время. Строчил он в ту пору, наверное, очередной том своего знаменитого «Капитала», самого захватывающего экономического бестселлера на все капиталистические времена. Нельзя, конечно же, его было от этого отвлекать. Тем более по такому вот абсолютно лажовому вопросу. Понимали это и ученые-хлюпики. Поэтому стали перебирать они по памяти всех марксовских дружанов и наткнулись вдруг на Фридриха Энгельса. («Как же мы раньше про него не вспомнили!» – гнусаво ныли в восторге внезапного озарения спасенные ученые-хлюпики). Энгельс в то далекое время уже тоже был очень знаменит. И помимо того, что был он закадычным марксовским дружаном, работал он еще по совместительству его же спонсором. И пусть Энгельс был не так продвинут в теории, как гроза местных фонарей – дружбанище Маркс, но зато был он гораздо более успешен в практике мирового капиталистического движения. Попросту говоря, досконально изучив экономическую теорию Маркса, он так хорошо научился рубить бабло на капиталистической ниве, что самому отцу теории такое даже и не снилось. А потому что не занимался Энгельс никогда всякой фигней и был он во всех своих начинаниях очень практичным и всегда чисто таким конкретным. По крайней мере, надуманные проблемы научной этики его, как и Маркса, никогда сильно не парили. Но уличных фонарей при этом никогда не бил он. Видимо, не было у него никогда приступов особых творческих мук и запредельного такого внутреннего напряжения. Однако, Энгельса еще надо было уговорить. Доказать ему, что вовсе все это не пол-

ная фигня. Не лажа это какая-нибудь, а самая настоящая социальная полемика. А сделать это было очень даже непросто. Больно уж прозорлив он был. Энгельс этот. Потому-то прозревшие нытики от науки, хоть и робкие духом, но всегда упорные тихой сапой в достижении поставленных самим себе и не нужных никому псевдонаучных целей, начали очень сильно занятому Энгельсу докучать. Начали они совершенно беспардонно приставать к нему и всячески его беспокоить. Некоторые приезжали к нему лично и падали в слезливой мольбе на колени. Другие каждый день отправляли ему мокрые от слез и соплей почтовые, телефонные и телеграфные обращения. (Да, да. Именно так: бумага с нацарапанным на ней посланием попросту не успевала просохнуть, а смесь соплеслюней, обгоняя электромагнитные волны, шумно текла по проводам и в конце-концов заливала мудреные механизмы телеграфных аппаратов. Кроме того, смесь эта противно чавкала паразитной модуляцией и во внутренних своими округлыми размерами тогдашних телефонных трубках. В общем, разборчивость этих склизких сообщений была, прямо скажем, неважнецкая. Энгельс мало что из этих текстов понимал или же делал вид, что не врубается он в это прокисшее-хлюпающее безобразие. Кроме того, все сопливо-мокрое непотребство часто приводило к коротким замыканиям и вызывало большое недовольство работников телефонно-телеграфных служб. Работники часто раздражались и, в свою очередь, выплескивали справедливый профессиональный гнев на суетливых в неумности своей хлюпиков. Но тех это никак не могло останавливать. Хлюпики молча утирали выплеснутое на них своими по-интеллигентски безупречными платочками и вновь принимались за настырное – свое. Но вся эта около научная возня была пока что безрезультатной. Энгельс принялся ломаться и долго набивал себе цену. Он ведь и раньше время от времени полемизировал с этими задохликами и приобрел уже кое-какой опыт. А полемизировал он всегда с присущей только некультурным капиталистическим отношениям деловой такой простотой: «Да пошли вы все отсюда, козлы слюнявые! Мне что, по-вашему, заняться что ли нечем? У меня же, все-таки, свой бизнес. Семья большая, которая все время почему-то хочет есть, модно одеваться и отдыхать исключительно только на Лазурном побережье. Опять же этот фанат пролетариата Маркс на моей тонкой шее примостился и соскакивать, похоже, совсем не собирается. Ладно бы один дружбан этот примостился. А то ведь детей-то наплодил, а сам все книжки какие-то слишком уж мудреные пишет. И издает за мой счет. А книжки эти из-за их мудрености никто кроме вас, маргиналов, не покупает. Да и то, что с вас можно взять-то? Все время ноете вы у прилавков: «Скока-скока? Отдайте, пожалуйста, подешевле. Общемировое революционное движение вас не забудет!» И приходится вам эти книжки отдавать задешево. Даром, почти. Это не по рыночному. Ну а что делать, если больше никого кроме вас звериный оскал капитализма не впечатляет, а Маркс все строчит и строчит? А тем, которые с деньгами, им все про любовь с клубничкой подавай. Им ведь в капитализме все нравится, тем-то, которые с деньгами. В общем, сплошные убытки. Поэтому-то и надо мне непрерывно рубить бабло. Вы ведь, поганцы, кормить-то меня, наверное, не собираетесь? И семью мою тоже не собираетесь? Тем более на Лазурном побережье? Да, там цены будь здоров! А каков аппетит от морского воздуха! Конечно же, куда вам, горемычным. А как насчет того, чтобы Маркса прокормить? С семьей его цыганской? Ну, конечно, дождешься чего-нибудь от вас когда-нибудь хорошего, позитивного, так сказать. Что-что? Ненадолго придется отвлечься, говорите?! Это ведь написать мне недолго при таком-то моем талантище! Особенно когда время у меня есть. Но ведь его-то как раз и нет! А ведь всю эту чушь надо же еще и прочитать! Разобраться в ней надо! Чтобы подобрать необходимые глаголы. Такие, которые бы зажигали. А если чуши очень много? Вот, сами признаетесь, что много ее. Чуши этой нечитабельной. Нет, даже и не приставайте больше ко мне с этими поганенькими провокациями». И Энгельс, пребывая в состоянии крайне острого раздражения, обычно с омерзением выбрасывал за порог очередного умытого слезами горе-просителя. Но хлюпики, несмотря ни на что, даже на такие-

то вот самые что ни на есть неслыханные для них унижения, вовсе и не думали униматься! Они поднимались с земли, отряхивались и снова шли к Энгельсу, как на Голгофу. И, надо отметить, добивались-таки постепенно своего эти проходимцы. Тон Энгельса с некоторых пор начал постепенно теплеть: «А почему вы сами, бездельники, не хотите эту чушь раз-облачать? Сидите в своих кабинетах, штаны только зазря протираете. Мало того что никакой практической пользы от вас нет мировому революционному движению, так вы еще и собственный семейный бюджет своими дырявыми штанами опустошаете. Да еще набираетесь наглости и пишете мне: «Дорогой Фридрих! То да се, опять, мол, протер я свои скорбные штанишки. Не могу, мол, выйти теперь в ученый свет. На защите очередной бредовой диссертации не могу потусоваться теперь я. И на халявном банкете откусать не в чем мне теперь. Сплошной облом со мной произошел. Пришли, пожалуйста, дорогой Фридрих, хоть немножечко денежек на обновление моего куцега гардеробчика. На штанишки хуч бы пришли денежек нам каких-нибудь, отец ты наш родной!». А зачем вы, интересно, в кабинетах своих штаны эти самые носите? Протираете их там? Почему, к примеру, вы не можете побереечь их для выходов своих, подлецы вы эдакие, расточители? Кого вы там в кабинетах своих полутемных от невежества стесняетесь? Супругу и горничную уже никогда ничем не сможете удивить вы. А кто вас там еще может увидеть? Кабинетные мыши, грызущие от полнейшей безнадёги эти давно уже пожелтевшие в бездарности вашей не нужные никому бумажные ваши труды? Им, мышам этим, уже давно не до вас, поверьте. Каково им приходится? Каждый день жевать эту желтую чушь! Что-что? Мышей не стесняетесь вы? Я знаю, что причина не в этом. Это же я так, для жгущего глагола только-то мышей этих отстойных поминул. Тогда что же заставляет вас штанишки ваши в ваших кабинетах-склепах протирать? Этикет, говорите вы? Так значит опять эти ваши комплексы? Оставьте, не нужны вы уже давно никому со своим этикетом, теоретики гребанные. Одного Маркса вместо вас всех мне достаточно. И денег на штаны ваши сраные больше никогда не дождетесь от меня! Вон отсюда! Мерзавцы!»

И очередные отсыревшие от слез нытики от науки, монотонно замедляясь, молча катились по жесткой лестничной крутизне всегда гостеприимного энгельсового дома. Однако, благодаря такому вот беспримерному самопожертвованию, вскоре тон энгельсовских отказов приобрел уже почти оправдательные оттенки: «Ну не могу же я на каждого вашего «дюринга» вот так всерьез реагировать. Ну пусть человек себе немного поболтает. Ну любит он, видимо, письменно и со всеми сразу так и ни о чем поговорить. Известить сразу всех о своей беспросветной глупости. Терпимей надо быть. Что поделаешь, у всех у нас ведь свои недостатки и особые заболевания имеются...». Но тут уже плаксивые ученые, почувствовав временную энгельсову слабость, не упустили своего шанса, в очередной раз проявили они лучшие в своем эгоизме качества, нашли какие-то особые слова и смогли-таки убедить в конце-концов этого (уже больше для понта) ломающегося Энгельса в необходимости мощного анти-дюрингового выступления. Показали они ему всю вредность этого псевдоучения, туманящего сознание мирового пролетариата и отвлекающего его от праведной борьбы с капиталом. И дрогнул, наконец-то, окончательно этот железный Энгельс. А уж дрогнув совсем окончательно, Энгельс вдруг так разошелся, что долго уже не мог остановиться. Лягал и лягал он впоследствии этого уже и без того растоптанного Дюринга по поводу и без. Иногда совсем просто так пинал он его – походя и всуе. Испортится бывалыча у Энгельса по каким-то причинам настроение, он сразу раз – и за столик письменный: немедленно тиснуть очередную (трехсот...ую) добавку в свой «Анти-Дюринг»! А в добавке этой очередное же: «Вот вы Дюринг тогда написали... Ну вы Дюринг и собачий сын! Да вы...!!!!!».

В общем-то тоже занялся он впоследствии беспределом каким-то. Вел себя совершенно не по-спортивному. Так тоже нельзя. Надо уметь вовремя останавливаться. А то можно и по шапке получить. Вон НАТО понесло в очередной раз куда-то со своими рада-

рами и противоракетами, а наш президент им хлоп по башке, и отправленные в опломбированных вагонах «Искандеры» уже приближаются к границе с Польшей. И «пшеки» уже заходятся в извечной своей истерике по поводу своих псевдоисторических территорий: «От моза и до моза!» А вот хрен вам, вороватые вруны вы и отъявленные в хитрости своей бездельники-воришки. Наши патриоты ведь так про вас иной раз рассуждают: «Маловато этой нечисти когда-то и в какой-то там Катюши замочили. Надо было всех вчистую замочить и утопить в озере Селигер! И без лживых в последствии покаяний! А потому как не надо было беспредельничать с заблудившимися бойцами нашей Первой конной армии! (Кстати, где ваше-то покаяние?) И все было бы у вас хорошо. Но вы же – нет! Который век уже на матушку Русь мастурбируете. Импотенты чертовы! Пора бы уже и честь знать. Пора бы уже, наконец, господа хорошие, и кончить в удалении. Бросить бесплодное семя свое на поганую свою землю. А кончив, уже и успокоиться окончательно. Покончить со своими шляхетскими амбициями и впасть в апатию. Ведь что такое апатия? Правильно, это отношение к сношению после сношения. А вам сношения давно уже заменила дистанционная ваша мастурбация. Вот после нее и кончайте. А кончив – апатично успокаивайтесь. Не то получите «Искандером» по кумполу!» И ведь есть определенное рациональное зерно в этих злобных патриотических рассуждениях! Ведь так будет лучше для всех: бросай себе зерна в свою землю и жди своего урожая. А на чужой кусок, как говорится, не разевай никогда роток.

Так вот, об Энгельсе. Это ведь он только потом неспортивным таким беспределом занялся. Ближе к старости. Ну, когда уже подкрался к нему маразм. А когда Энгельс за Дюринга по-первости принимался, был он еще достаточно молодым и спортивным. Нашел он тогда в себе силы и отвлекся решительно от бизнеса своего и от большой своей семьи временно отрекся. (Этот пример вдохновил впоследствии нашего Ильича: «Жене надо бы сказать, что пошел к Инессе, Инессе наврать, что пошел к жене, а самому на чердак и работать, работать, работать!») Даже от Маркса слегка отдалился Энгельс в этот самый для себя период. В общем, все, чем только мог поступиться это классик марксизма-ленинизма в тот исторический момент – все бросил он. Бросил и сильно сосредоточился. Сосредоточился и смешал-таки этого нахала Дюринга с дерьмом собачачьим под осмелевшие аплодисменты когда-то трусливо-плаксивого сообщества. И сделал это так он, что об этом нахале, о смешанном с фекалиями и порубленном в капусту Дюринге не было слышно целых два века. Если бы, конечно, тогда же в дело вмешался бы еще и Маркс..., то мы бы, наверное, до сих пор не знали бы никаких проблем от шершавой фамилии Дюринг. Но Марксу, к большому сожалению, было тогда некогда. Дел просто невпроворот у него тогда накопилось. Даже помимо «Капитала». Ведь тогда-то призрак коммунизма только еще начал бродить по Европе. И был еще очень худеньким и слабеньким этот отстойный призрак в ту далекую пору. Только-то и мог он тогда поднять тонюсенькую книжечку с гордым названием: «Манифест». Робко стучался он тогда в дома начинающих буржуинов и заискивающе спрашивал своим тонюсеньким голосом, протягивая хозяевам книжечку: «Не желаете ли чуть-чуть коммунизму, господа хорошие?» «Ты что, малый, совсем оборзел? – крутили пальцем у виска развивающиеся буржуа, – Мало того, что ты ломишься в чужие дома (это частная собственность!), так еще и выражаешься так неприлично. Вон отсюда, бледнотень худосочная! Коммунизму он принёс! В моем доме попрошу не выражаться!»

Такое неуважение к призраку никак не могло устроить пролетариат. Ему, этому беспредельщику-могильщику капитализма уже нужна была всеокрушающая мощь мировой революции. По крайней мере, Маркс был в этом твердо уверен. Пролетариат-могильщик, наверное, тоже был уверен, но еще не умел он писать в то далекое время. Неграмотным он был тогда повсеместно и поэтому письменных свидетельств о своей непоколебимой уверенности нам никаких не оставил. Поэтому только-то и остается нам, что верить этому Марксу. И хорошо еще, что Маркс этот был чрезвычайно правдив для своего лживого времени. К

тому ж надо было ему уже срочно перестраиваться и ускоряться. В срочнейшем порядке надо было строчить ему трактаты по теории и практике классовой борьбы и секретном оружии пролетариата. А когда пошла такая срочность, тут уже врать некогда! Только успевай окружающую тебя действительность правдиво описывать (в смысле – писать, тьфу, пером – в смысле).

Ну да ладно. Тогда все обошлось хотя бы так, что два века не было заметно этой воинственной и самовлюбленной серости. Спасибо, как говорится, Вам, дорогой господин-товарищ Энгельс, и на этом. Но не успело минуть и двух веков, и тут вдруг – нате вам! Как черт из табакерки появился вдруг, откуда ни возьмись, ну просто по всем внешним проявлениям самый что ни на есть дюрингов потомок! Даже имя с фамилией – и то совпадают! Появился он, конечно же, пока только как бледная тень своего прапрадедушки в области разнообразной псевдолитературы, но уже стал многими узнаваем. Уже приглашают его на всякие рейтинговые передачи, и даже всякие серьезные снаружи дяди величаво кличут его писателем!!!!?? Вопросы ему всякие судьбоносные для страны задают: «А что думаете по этому поводу Вы, Евгений? Ответьте нам, пожалуйста. Нам очень важно знать Ваше мнение по этому непростому вопросу?» И он уже все воспринимает как должное, а если что вдруг не по нем (ну там какой не тот вопрос), принимается он вдруг в запале истошно так вопить: «Вы все завидуете безмерной глубине моего таланта! Бездари! Вон уже и лондонский Time написал, как я раздвигаю границы понятия «бестселлер»!!! Понимаете вы, лузеры?! Я! Ррраздвигаю! Я рушу! Я меняю! И это все – я! А что сделали вы? Чего вы то хоть раз в жизни раздвинули? Чего хоть раз обрушили и поменяли? Ничего. Потому-то и в наших чрезвычайно разборчивых и не падких на дешевые сенсации СМИ про вас никогда и ничего слышно не было. Не было в этих СМИ даже вашего духа. Полнейший духлесс вы из себя представляете. Бездари вы все несчастные, беспросветные, да еще и завистливые к тому же! И все вопсы ваши гребанные – это все тоже от вашей жуткой зависти. А я, помимо того, что все время все раздвигаю, еще и являюсь самым популярнейшим из журналистов нашей современности. К тому ж, являюсь я еще и самым крутым из телерадиоведущих той же нашей современности! Мне даже приз недавно дали. «Карьера гада» он называется. Жесть! Что вы на это скажете? А вам чего-нибудь дали? То-то же. Вот и не лезьте со своими дурацкими вопросами о моем многогранном творчестве. О беззаветном служении моем высокому искусству. Не мешайте сеять мне разумное, доброе и т. д. Что-что?! Сомневаетесь вы, что есть у меня то, что я как раз собираюсь тут посеять?! Отстой какой-то! Как можно вообще в этом сомневаться? Мне же приз дали. Да идите вы все... Вы все, все завидуете мне, отморозки».

В чем же, интересно, причины такого вот наглейшего поведения этого зарвавшегося «автомотовелотелерадиомонтера»? В генах, по-видимому. Наверное, в генах его заложена неумная амбициозность и подозрительная скороспелости. Благодаря этому, наверное, получилось так, что даже когда и не успел он еще в общем-то и как следует на свет этот появиться, а уже принялся сразу, с измальства с самого строчить наивреднейшие в паскудности своей книжонки. Экономiku с социологией, правда, не решается он в книжонках своих сильно беспокоить. Не в пример своему далекому предку. Он ведь все больше по псевдолитературе начал специализироваться... Другой жанр себе выбрал. По малолетству. Видимо. Но экономические потуги все-таки иногда проявляются. В запале, видимо, каком-то. Или в угаре. Кто его разберет? Сыпанет бывалыча он какими-нибудь давно уже известными каждому ларечному продавцу терминами, ну что-нибудь там типа: маркет-ресерч, промоушн, фокус-группа и т. д., и любитесь умным собой со стороны, представляя себе глупые лица читателей. И, по всему видать, большие у потомка-тени проблемы со словарным запасом. Он уже в отчаянии и английские слова из школьного учебника за шестой класс все в книжонку свою переписшет, и матерные слова, подслушанные когда-то в одесском порту все в книжонку вставит, а путного ничего в конце-концов так и не получается. Не получается все

равно у него сформулировать ну пусть хоть какую-нибудь, но вполне законченную мысль. А может, никакой мысли и не было вовсе? Может все это не от банальной скудности ума, а просто все у него так всегда и задумано было? Чтобы без всякой мысли? Оригинальный авторский замысел, так сказать? Или мысль все же была, но из-за сильной ограниченности словарного запаса дерзновенного потомка и его убогих почитателей в нашей псевдо литературе вдруг спонтанно образовалось новое направление? Некий сформировался, например, авангардно-быто-пьяно-обдолбанно-извращенно-половой сюрреализм? Или, может быть, некий ново-символизм? Развитие ставшего уже классическим: «Аптека, улица, фонарь...» и все такое прочее? А иногда всё это очень похоже на Мураками в детсадовском возрасте... В общем, как ни крути эти тексты – патологический лепет задержавшегося в развитии дауна какой-то все время получается. Какие-то мудовые рыдания о разрушенной кем-то мечте. Кто эти «кто-то»-разрушители светлой мечты потомка, вроде бы немного понятно. А вот содержание этой самой мечты в книжонке, видимо, все же намеренно не раскрывается. Там, видимо, такое сокрыто...! И это, по всей видимости, тоже нюансы нового стиля, которые должны были кого-то заинтриговать. И, по всему виду, действительно кого-то заинтриговали. Это ведь дело вкуса. Или же его полного отсутствия.

Кстати, в этом отношении, в смысле вкуса, далекий предок был гораздо более продвинутым, нежели его дерзновенный потомок. Наверное, все же нужные книжки он, предок в смысле, в детстве своем читал. Конечно, по скудности ума не все смог он в них понять. За что и был впоследствии подвергнут публичной порке. Однако, подумаешь ты, беда то какая! Ну, выпороли его и выпороли. Пусть даже и публично выпороли. Круг-то этой публичности был очень узок, и простой народ об этом позорном факте дюринговой биографии так ничего не узнал. А поэтому продолжал приветствовать франтоватого и всегда лучезарно улыбающегося Дюринга на улицах европейских городов. Но кто знает, что могло бы произойти с Евгением-старшим, если бы он вдобавок к своим укоренившимся заблуждениям еще бы и неправильные какие-нибудь прочел в далеком детстве книжки? Но, к его же счастью миновала его чаша сия.

А вот потомку, похоже, в этом плане повезло гораздо меньше. Ему, наверное, сразу после усвоения букваря подсунул кто-то и что-то для чтения совершенно неудобоваримое. Что-то, видимо, непотребное все-таки подсунул какой-то явный его недруг. Может, подложил даже под новогоднюю елку в качестве подарка. И, разумеется, что-нибудь совершенно непредназначенное еще для детей ведь подбросил-таки этот неизвестный нам гад. Что-нибудь из Эллиса, например, или же, возможно, что-то даже из самого Ульбека ему удружил. Что-нибудь про «элементарные частицы». А он взял, по детской еще своей наивности, и все это прочитал. От корки до корки все прочитал, привычно тыча в книжку пальчиком. Он ведь думал, что там про нейтроны и протоны. А там такое... Отсюда, наверное, и все его проблемы. Отсюда, видимо, и родилось это дикое стремление тоже что-то написать ну хотя бы о чем-то. И чтобы это «что-то» кто-нибудь когда-нибудь опубликовал. И желательно все же побыстрее. И чтобы сразу многомиллионным тиражом! И на всю страну! И о таких интимнейших проблемах в организме, чтобы наутро проснуться знаменитым!

Или все-таки дело в чем-то другом? Может, секреты всех этих комплексов кроются в дурной наследственности? Ведь если вспомнить Дюринга-старшего, то ведь и у него наблюдались явные противоречия между некоторой ограниченностью мышления и непомерными амбициями. А против наследственности не больно-то и попрешь. Наследственность – это ведь гены. Нет, попереть, конечно же, всегда можно – амбиции-то эти, их ведь никуда не спрячешь! Им, амбициям, на эти гены глубоко наплевать. И ведь, в конце-то концов, эти гены ведь можно в крайнем случае и модифицировать. Но итог все равно будет печальным: природа со свойственным ей равнодушием будет созерцать, как вас, такого еще молодого и притворно нарумяненного, с надорванным горбом и явными внешними признаками

геморроя тихо несут на ближайшее кладбище. Даже не несут, а облегченно тащат или даже может радостно так волокут. Волокут вздыхающие в великой скорби по вам, развеселые и когда-то вроде бы даже и дорогие такие вам родственники. Вокруг вас и веселые, когда-то даже очень вроде бы милые вашему сердцу, но втайне всегда продажные, ваши мнимые якобы друзья. Чему они, все эти двуличные, радуются? Все эти прижизненно скрытые сволочи и сплошь в душе своей отъявленные мерзавцы? Нет, в этот раз они ведь вовсе даже уже, наверное, и не со зла... Абсолютно без всякого злорадства вроде бы в этот раз ухмыляются они. Просто почувствовали они как-то сразу и вдруг какое-то громадное облегчение. Видимо, потому как вдруг перестали они быть вечно виноватыми в ваших неудачах. Вы ведь давно уже достали всех своими внутренними противоречиями. Своим вечным раздвоением и, временами, даже некоторой многоликостью. Своими непомерными амбициями при нулевой их реализации. Своими никем непонятостью и неоцененностью, наконец, вы всем уже давно надоели. Вот потому и радуются затаенно все они и торопятся поскорее уже зарыть вас где-нибудь подальше и поглубже. И все. И, как говорится, с глаз долой. А потом всем этим злыдням можно будет еще и напиться на халяву, а некоторым (так и не избавившимся от привычки закусывать) вдобавок еще и наестся какой-нибудь праздничной едой. И все это под вяло-пьяно-сытое по-бранивание неких темных сил, так и не давших безвременно усопшему во что-то путное реализоваться. Через некоторое время отдельные личности из числа безутешных ни с того ни с сего вдруг начнут орать веселые пьяные песни. А почему бы и нет? Вам-то уже все равно все по-барабану. Даже эти глумливые могильные червячки, приползшие потерзать вашу измотанную амбициями оболочку, не вызывают у вас уже абсолютно никаких эмоций. Вы уже впали в состояние дзэн. Но это уже не ваша заслуга. При достижении финала так почему-то поступают все. Каждый, как говорится, дурак так всегда поступает. Испустит этот каждый дурак финальный дух, хлоп – и сразу в дзэн. И сразу становится мудрым. А вот надо было бы еще при жизни постараться. Попотеть изрядно, чтобы стать, наконец, вот таким вот излучающим спокойствие философом и созерцающим феномены трансцендентального сознания мудрецом. Глядишь, и сложилось бы все по-другому. И не пришлось бы, наверное, тогда так сильно огорчаться. Переживать так сильно, чтобы потом вот так вот взять – и в одночасье бездарно зажмуриться, мучительно вглядываясь в безвременье.

Что же можно было бы предпринять, чтобы все было не так грустно? Вернее, чтобы было совсем все негрустно? Как обойти это неудачное сочетание ограниченности и амбиций? Чтобы обязательно: яркие лучи славы, мировая известность, обильные сопли фанатеющих поклонниц, живые цветы, фонтаны шампанского, бравурные гимны, торжественные марши, немереное количество бабла в зарубежных банках и всякое такое прочее? Все такое по жизни сопутствующее? Чтобы жизнь эта, в конце концов, удалась?

Можно поступить очень даже просто. Для этого нужно использовать общечеловеческую тягу ко всему порочно-запретному. Тягу эту можно эксплуатировать где угодно: в театре, в балете, в живописи, в литературе и кино. И многие из тех, у которых эти неудачные сочетания черт характера по каким-либо причинам образовались, очень активно сейчас этой тягой пользуются. И всегда имеют оглушительный успех. А когда у них некоторые случайно оставшиеся еще в литературе и искусстве скептики спрашивают в недоумении: «Зачем вы эту порнографию все время показываете? Да еще с такой вот детализацией всяческих интимных подробностей? К чему такой примитивный натурализм? Где же тут искусство? Где его загадки и недосказанности?» Амбициозные, в бездарности своей, все время бодро так и почему-то одинаково всегда отвечают (видимо сговорились меж собой на каком-нибудь внеочередном съезде): «Это реальные пороки нашей жизни, а мы всегда за объективное отражение окружающей действительности. Пусть она не совсем приглядная ныне. Но она же такая и есть на самом деле! Не надо прятать голову в песок. Не должно быть у нас

никаких недосказанностей! А во-вторых, никакая это не порнография. Порнография – это когда детородный орган в режиме полной эрекции и в непосредственной близости от созерцающего его лица демонстрируется, а у нас этот символ мужского достоинства всегда вдалеке от любопытных глаз пребывает, где-то на втором плане и при этом постоянно на шесть часов указывает! Не важно, утра или вечера. В этом как раз и состоит великая недосказанность нашего современного искусства! И это надо понимать. Здесь нас прямолинейностью попрекнуть никак невозможно! А имитация различных поступательно-повторяющихся движений – это так, всего-навсего не более чем оригинальные наши танцы. Как в фигурном катании. А вообще все это сейчас у нас эротикой называется. Так, что все у нас по закону. Ничего не нарушаем. Полнейшая легитимность во всех вопросах. А вам вот законы надо бы почитать! Не дураки-то ведь их пишут! Эти «недураки» сидят в огромном зале в центре столицы и поют под караоке гимн страны! Патриоты они! Почему под караоке? Да потому, что все некогда им слова этого гимна выучить! Надо же когда-то и законы писать. Ведь, чтобы какой мудрый закон для населения прописать, это же знаете сколько надо усилий приложить этим серьезным людям в модных галстуках-флагах? Вот, к примеру, писали они когда-то закон о всеобщей эротизации населения, так для эффективного решения этого злободневнейшего для страны вопроса пришлось им даже специальный муляж человеческой особи мужского пола изготовить. Специальный муляж был оборудован специальным же фаллоимитатором, с аккуратно приделанным к нему транспортиром. Это покруче коллайдера будет. Это, просто жуть! И только с помощью этого сложнейшего механизма самым достойным людям страны удалось найти именно тот угол эрекции фаллоимитатора, при котором (наконец-то!) заканчивается порнография и начинается эротика! Выдающееся достижение! Феноменальный результат! В общем, далеко не дураки у нас для населения законы пишут. И не дураки же за них на выборах и голосуют. Вы и с этими утверждениями не согласны? А-а-а, согласны вы все же, что не дураки это пишут, но считаете их ворами, подлецами и вдобавок, еще и заклятыми врагами отчизны? И главное, говорите, это не то, как кто голосует, а главное как кто считает? Бред какой-то. Когда-то мы это все уже слышали и даже знаем, чем все это закончилось. Не желаем так больше! Долой деспотизм и цензуру! У нас давно уже существует насквозь прог... правовое государство! Удивлены просто мы Вашей вопиющей правовой безграмотностью!» Скептики тогда выходят из себя окончательно и начинают грубить, уподобляясь амбициозным бездарям-оппонентам: «Ну уж если вы про полную объективность заговорили, то у нас и без пороков есть что показать. Например, извините, мы каждый день с вами банально так срем, извините, какаем, то есть. Выделяем естественные, так сказать, продукты жизнедеятельности. И почему бы вам не показать тогда все это и во всей красе на вашей сцене? Чтобы натуральная такая, большущая, судорожно сокращающаяся, извините, жопа во весь высоко висящий большой экран, дублирующий происходящее на сцене. Чтобы все подробности зрелищного процесса испражнения! Все конвульсии прямой кишки! И чтобы там разные звуки присутствовали, неистовые в своем метеоризме! Да и еще вони, вони в зал, и побольше! Чтобы ни один из благодарных зрителей не смог нас ни в чем обвинить. Даже чтобы упрекнуть не мог он нас ни в чем. Чтобы, например, не мог набраться он наглости и не крикнуть что-нибудь обидное, к примеру, станиславское: «Не верю!» Вот это в вашем понимании и будет стопроцентная реальность! Вот это искусство! Тьфу, ты, мерзость какая, вот уж действительно – дух даже может захватить! А то еще и совсем перехватить может дух этот. И наступит-таки тогда полный «духлесс» наконец-то!» И возрадуется тогда всяческая нечисть и возгордится она. И есть от чего: внутреннее величие и галактическую масштабность происходящего действия никуда ведь не спрячешь. А на следующий день после такого театрального действия вдруг встрепаются новомодные критики: «Скажите, а вы не знаете кто автор этого смелого эксперимента? Нет-нет, главного исполнителя мы запомнили. Такое трудно забыть. Но кто этот новатор? Что-что? Молодой режиссер

Дюринг? Это, безусловно, дарование! Это новое театральное явление! Это свежая струя! К завтрашнему утру мы напишем о нем во всех театральных журналах!» И получая такие вот «благословения» от экзальтированных любителей всяческих сомнительных экспериментов, амбициозные бездари продолжают свое оглушительное и пахучее восхождение к липко-денежной славе.

Видимо, по такому же вот простому пути и решил пойти отмороженный дюрингов потомок. Судя по всему, других вариантов-то у него не было и не будет никогда. Ну так, чтобы девушки там с ногами из шеи, полные реки соплей восторга и так далее. Не дано, видать, было достигнуть всего этого нашему бездарю каким-нибудь другим путем. Стать, например, знаменитым на всю страну хлебоборобом. А что? У нас сейчас опять стали хлебоборобов по телевизору показывать и орденами их награждать. А к ордену обычно всегда конверт прикладывается. И, наверное, хватит того, что в конверте, на девушек и шампанское. Правда, на сопли, наверное, может и не хватить. И здесь не поможет даже телевизионная слава хлебобороба. А зачем они нужны вообще, сопли эти? Когда уже есть девушки и шампанское? Нет, нет. Без соплей – это совсем не тот масштаб. Сопли – это жуть! Отсутствие соплей – отстой! Нет соплей – нет понтов. А куда сегодня без понтов? Никуда. Поэтому очень уж хочется. Ну, а раз уж так очень хочется, тогда – путь известен. Только через воспевание пороков на фоне отдыхающего разума. А сон разума, он, как известно, рождает чудовищ, и на сцене появляются псевдолитературные герои – мегасупермены. В сравнении с ними дутые голливудские персонажи, ну там различного вида «Агенты 007», выглядят просто разыгравшимися в песочнице шалунишками-детьми дошкольно-ясельного возраста. Все эти многочисленные Джеймсы Бонды, они, конечно же, всегда что-то там пытаются, постоянно пребывая в резких движениях. Все время куда-то они палят, на чем-то гоняют и летают, все время кого-то мочат, а в промежутках или даже в ходе свершения этих замечательных подвигов пьют виски и предаются утонченному разврату. Но по милости режиссеров иногда они все же от всех этих хлопот хоть немного, но хоть как-то отдыхают. На больших экранах кинотеатров они иногда вальяжно плавают в кишках акулами океанов или в бассейнах с чистой голубой водой. Или же просто тупо спят они. Чутко спят, конечно. Под подушкой всегда припрятан у них надежный Walther PPK. Потому что так надо. Такая у них по сценарию работа. Но короткий, пусть даже очень тревожный сон – это, господин режиссер, извольте предоставить. Всем понятно, что все это кино и понарошку все это, но иначе все же нельзя. Периодически надо отдыхать. Иначе все это совсем не будет походить на правду.

А образы мегасупергероев, созданные дюринговым потомком, ни в чем и никогда устали не знают. Они могут очень долгое время предаваться диким в необузданности своей оргиям, находясь при этом в глубочайшем пьяном угаре. Да если бы речь шла только об этом милом сердцу каждого россиянина состоянии! А то ведь еще и в постоянно обдолбанном виде они всегда предстают перед удивленными читателями. А как закончат свои извращенные оргии, сразу торопятся они на работу. И трудятся они там с упоением и в поте своего пьяного и вечно обдолбанного лица. Находясь в безсознательном состоянии, вырисовывают они на мониторах своих компьютеров графики продаж, проводят встречи и переговоры с западными партнерами. А как же иначе? Где же тогда бабло им брать на восхитительный в своей утонченности разврат, беспробудное пьянство и на эстетическую наркоманию? Они ведь не на окладе в какой-нибудь МИ – 6 находятся, как, например, этот романтический бездельник Бонд. Они реальные участники рыночных отношений и хотят честно зарабатывать деньги. А после работы опять разбегаются они по кабакам, баням, казино и прочим злчным заведениям. И так продолжается месяцами. Иногда мегасупергерои, устав от всего этого, уезжают, наконец, в отпуск куда-нибудь на Канары или Мальдивы. Но и там продолжают заниматься тем же самым, только уже без перерывов на понттовую имитацию кипучей деятельности. Не могут они уже совсем остановиться. И при всем при этом герои дюрингов-

ского потомка никогда не спят. А когда, спрашивается, спать-то, когда им везде надо поспеть и столько всего полезного для страны сделать?

В общем, не чета были эти мегасупергерои слабакам Джеймсам. Единственно, чем уступали они им, так это тем, что до сих пор не «мочили» они еще никого реально. Так ударить друг друга пару раз по и без того распухшим лицам – это иногда случалось в пылу полемики о ставках таможенных тарифов на какую-нибудь отстойную продукцию. Но это мелочи. Это даже было предусмотрено принятым у мегасупергероев корпоративным этикетом. А так, чтобы «мочить» кого-то чисто конкретно? Нет, такого с ними не происходило, в основном. Даже несмотря на полученное сверху разрешение по «замачивать» нежелательных обществу элементов в сортирах – нет, не позволяли себе они этого. Но по динамике псевдоповествования чувствуется, что этот род занятий для мегасупергероев уже не за далеко расположенными от них горами. Он уже где-то рядом. Потому как, агрессия их непрерывно растет. Как это из-за чего растет? А вы сами попробуйте так самоотверженно трудиться и при этом долго не спать. Озвереешь тут поневоле.

Но нельзя все же не отметить особый, можно даже сказать аристократический эстетизм этих мегасупергероев. Он чувствовался буквально во всем: в тщательном подборе элитных спиртных напитков и наркотических средств, чистоте поверхностей для нанесения коксовых дорожек, в манерах поведения во время группового секса, утонченной изысканности ненормативной лексики их речи и т. д. Но об этом несколько позже (так ведь, кажется, в этих случаях пишут?).

Исключительно справедливости ради надо в дополнение к ранее сказанному отметить, что ничто человеческое было не чуждо этим дюринговым мегасупергероям. Несмотря на катастрофическую свою занятость и побочные отвлечения, все же посещало их иногда высокое и светлое чувство. Чувство настоящей любви, воспетое когда-то нечитаемыми ими классиками. И было в этой любви много какой-то нереализованности. Какой-то противоречивой незаконченности и невостребованности. Так, например, любой из мегасупергероев мог предаваться обыденному для него разврату с одной из тех (а то и со всеми сразу), кого он всегда пренебрежительно называл The telki (просьба, не путать с The Mokroshelkami – это отдельная тема и мы ее вскоре коснемся), а в момент, предшествующий наступающему оргазму, сердце его вдруг мучительно сжималось в тоске по той, другой, всегда любимой и желанной, а уж в такой-то вот ответственный момент любимой как-то по-особенному... И вот дрожащие в торопливой своей похоти холеные пальцы мегасупергероя уже набивают очередную, полную признаний и восклицаний SMS. The telki каким-то образом чувствовали судорожные сердечные сокращения своих похотливых партнеров и с обидой в душе понимали, что это anomальное сердцебиение посвящено не им. И SMS с признаниями и восторгам поэтому никогда они не получали. Это постоянно удручало The telok и попросту лишало их всяческих надежд. Но в то же время подобное поведение мегасупергероев заставляло The telok невольно восхищаться такими вот трогательными и высокими отношениями. The telki всегда приветствовали эти отношения своими громкими криками в уже наступившем оргазме. Они так и вопили всегда в такие вот волнующие моменты: «Ка-ки-е вы-со-о-о-о-кие о-о-о-отно-о-о-о-о-шения!!! О-о-о-о да! Yes– yes – yes!!!!»

Ну и как о таком, в принципе, можно было написать? А потом еще и напечатать? Да еще, наверное, вожделенными миллионными тиражами? Но факт остается фактом. очередная воинствующая чушь напечатана, а самодовольная физиономия дюрингова потомка уже устойчиво утвердилась на экранах нашего продажного телевидения. А может мы чего-нибудь все-таки недопоняли? Сами упустили что-то очень важное и поспешили все так огульно и сразу охаять? И потом нас всю оставшуюся жизнь будут мучить угрызения совести? Ведь сказано же в Писании, что оговаривать людей – это очень плохо. Грех это. Поэтому надо, наверное, побыстрее заканчивать эти затянувшиеся эмоциональные прелюдии и пере-

ходить к холодному и беспристрастному, в то же время очень короткому рассмотрению препарированных кусочков литературных изысканий бледной тени Евгения Дюринга-старшего. И на время превратиться пускай в еще более бледную тень, но все же пусть это будет тень великого Энгельса! Стоп, стоп, стоп! Вот уже и появились первые признаки заразного заболевания. В воспаленные остатки мозгов начала уже вползать змеей непрошенная в амбициозности своей и наглая такая гордыня. Гордыня – это тоже тяжкий грех. Нельзя впасть в него ни в коем случае. Срочно принять необходимые в этом случае успокоительные лекарства и за работу!

Почему только короткое рассмотрение намечается? Да потому что по другому просто нельзя. Ведь если мы до этого были все же правы, то может попросту затянуть в эту бездарную в безнадежности своей трясиину. И тогда, чтобы оттуда выбраться, придется писать совершенно другую книжку. А потом долго беседовать с доктором-психиатром. И никакие лекарства уже не помогут. Поэтому потихонечку начнем. Не возражаете? Впрочем, вы, конечно, можете возражать. Можете даже активно возражать. Я же все равно вас не услышу. И поэтому с вашего неслышного согласия продолжу. Чтобы совесть была, хотя бы относительно чиста. Чтобы хоть как-то обозначить рефлекторную реакцию нашего больного нынче общества на внешние раздражители. А реакция – это жизнь. Недаром мудрый народ говорит: если реакция есть, то дети еще будут. А там, где дети, там и жизнь. Народ ведь никогда не врет, даже сейчас, в этот гнуснейший период, когда некоторые внешне успешные, но психически весьма подозрительные типы его почему-то лузером называют.

Начнем с того, что в последнее время Жеку Дюринга, потомка когда-то напроць и публично обосранного предка, почему-то постоянно плющило и отчего-то непрерывно колбасило. Надо отметить, что был Жека не менее бездарен, но гораздо более амбициозен, нежели его далекий предок, и посему терпеть не мог каких-либо неудач. А очередная черная полоса этой зеброподобной жизни похожа для него как раз и началась. Началась, несмотря на все его немые протесты. Наступила она прозаически – в виде возникших очевидных проблем со здоровьем. И причины этого нездорового явления, ежесекундно сотрясающего питаемый витаминными наркотиками и перманентно поддерживаемый дорогим алкоголем организм, открылись Жеке совершенно недавно и, можно даже сказать, совершенно случайно открылись они ему. Еще до середины прошедшей недели пребывал он в счастливом неведении, плющился и колбасился себе потихоньку, потягивая косячок за косячком между бокальчиком-другим «Jamcson» со льдом из воды чистейшего в мире озера Титикака. Вел себя исключительно миролюбиво. Никого вроде бы не трогал он и давно уже никого не ругал. Дошел он даже до того, в миролюбии своем и всепрощенчестве, что ни одного из своих полевых (это те, кто трудится на ниве обслуживания фермеров на бескрайних наших полях в период сева или уборки урожая) менеджеров по продажам ни разу не обидел ничем он за целый день. Ранее такого с ним просто никогда не бывало. Как начнет, он, бывало, бушевать с самого раннего одиннадцатичасового утра, вращая подернутыми мутными пленками злостных бельм глазами! Страшное дело! Штабные менеджеры в панике разбегаются по офисным туалетам и испуганно щелкают до обеда за спасительными дверями по клавишам своих ноутбуков. Но это ведь когда было-то в последний раз? Где-то полгода назад. И эти полгода Жека – само спокойствие и деловая корректность. И тут – на тебе, как серпом по съезжившимся на внезапном российском морозе июльским помидорам! Во как! А что? Разве натянутое сравнение? У нас ведь такое нередко бывает. В смысле внезапных похолоданий. Все ж таки у нас, как-никак, зона рискованного земледелия.

А все началось здесь, в одном из центров мировой торговли и финансов, в славном городе Люберцы. Что-что? Никогда не слышали? Да будет вам известно, тем, кто по этой жизни как-то медленно во все врубается и думает, что столицей нашей Родины является Москва: Москва – это такой серый и неказистый пригород-поселение, сиротливо прикоснув-

шийся дрожащими в отстое границами к грандиозному, сверкающему по ночам многочисленными огнями супермегаполису. Мегаполису с гордым названием г. Люберцы. В этом царстве стекла, бетона, скоростных лифтов и воздушных монорельсовых железных дорог Жека по воле своей судьбы (кстати, относящейся к нему всегда очень строго) довольно долгое время уже мерчендайзерствовал в аутсорсинге одного из великих мировых производителей стратегически важных продуктов «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION».

С самого момента рождения нашей рыночно-базарной экономики аутсорсил, пока его за выдающиеся успехи не отправили на аутстаффинг. Дабы не перегружать читателя сложной рыночной терминологией, будем называть Жеку и его ближайших сподвижников очень просто – маркетологи. Нет, конечно же, можно начать сейчас сыпать какими-нибудь дикими определениями типа: маркетолог – от слов маркетинг (англ. marketing, от market – рынок), система управления производственно-сбытовой деятельностью предприятий и фирм, основанная на комплексном анализе рынка. Включает изучение и прогнозирование спроса, цен, организацию НИОКР по созданию новых видов продукции, рекламу, координацию внутрифирменного планирования и финансирования и др.) и logos (греч. – закон, сущность) – человек, знающий все законы рынка и неукоснительно им следующий. Но мы не будем заниматься никаким наукообразием по принципиальным соображениям. Маркетолог – он, как говорится, и в Африке маркетолог.

Словом, был Жека из тех великих маркетологов, о которых people слагает легенды и рассказывает их друг другу в форме анекдотов. Можно даже сказать, что народ, абсолютно ничего не приукрашивая, рассказывает своими простыми словами «всамделишную» быль, основанную на бесхитростных своих наблюдениях за окружающей его рыночно-базарной действительностью. Такие рассказы, как, например, рассказ об одном талантливом менеджере по продажам, который во время пребывания «хозяина» в законном трудовом отпуске (по профсоюзной путевке) где-то на далеких Мальдивах, взял и попросту продал все цеха, склады и офисы фирмы. Продав он и самого «хозяина». В рабство продал, в одно из центральноафриканских людоедских племен. Те за «хозяином» сами на Мальдивы приехали, потому что самовывоз был предусмотрительно оговорен менеджером в договоре купли-продажи. В том же договоре были прописаны и «Особые условия поставки»: со стороны объекта купли-продажи могут допускаться возражения. Почему же так негуманно поступил он? Да потому, что он был очень хорошим менеджером по продажам и всегда добросовестно исполнял свои прямые обязанности. А очень хороший менеджер по продажам (он же маркетолог) никогда не останавливается на достигнутом и упрямо идет себе всегда вперед. Идет просто так себе по жизненной обыденности и вдохновенно втюхивает всем и все подряд. Ну, в смысле: чем располагает, то и втюхивает. Впрочем, иногда втюхивает даже то, чем не совсем он располагает, но располагает его сподвижник, такой же лихой маркетолог, но продаже других товаров. А за дополнительное втюхивание имеет этот проныра всегда дополнительную копеечку зеленых американских рублей со своего, тоже не лыком шитого, но благодарного сподвижника. И это вполне нормально. Это, как раз, очень даже по-рыночному. Всякий труд должен быть оплачен, а тем более – такой интеллектуальный труд. Тут ведь как, на нашем рыночном базаре-то? Если с ходу втюхивать что-то вдруг не удастся этому маркетологу, он немедленно приступает к впариванию. Направо и налево впаривает все подряд он. Иногда это совсем не совпадает с интересами попадающего на пути маркетолога people. Но это его совершенно не заботит. Кроме того, ему, менеджеру этому, абсолютно все равно, что втюхивать и впаривать. И это правильно! Это тоже по-рыночному. И поэтому, как настоящий профессионал своего продажного дела, сегодня впаривает он ящиками одноразовые женские колготки, весело желая лузерам комфортного ношения до самой глубокой старости, а завтра он уже втюхивает кому-то цистерны омерзительного рыбьего тухляка. А по поводу надписи на цистерне «Живая рыба» вдохновенно полемизирует: «Ну уснула рыбка в

пути! Что я могу тут поделывать? Укачало ее в дороге. Вы что, не врубаетесь? Жесть! Отстой полнейший! Рыбка спит, а я в чем-то виноват... Причем здесь я? Не будил ее в дороге? Ну, не углядел – самого меня сморило. Из Мурманска к вам ведь добираемся. Чай не ближний свет. Ах, что-то еще и воняет? Бред! (Шмыгает носом). Да, что-то есть. Не знаю что это. Пока вы сюда не подошли, здесь ничем не воняло. А, кажется я врубился! Рыбка-то крепко спит. А вы, в натуре, можете взять на себя смелость утверждать, что во время крепкого сна уверенно себя в этом плане контролируете?! Уверены, что от вас во время сна хорошо пахнет?! Ага, не можете уверенно утверждать! Гмыкаете как-то не совсем уверенно! Вот и не канючите тут! И так за ноль все отдаю вам здесь! Даром просто отдаю! Совсем превратился в какого-то, как его, этого-то... Э-э-э, альтуриста! Во как! Когда-то ведь чему-то учились. Даже слова всякие мудреные еще помним. И сами себе постоянно удивляемся – полный ведь отстой! Откуда вдруг взялась такая доброта? Жесть! От сердца, можно сказать, отрываю, а они, гады, еще и ехидничают тут». И ведь что самое удивительное: у этого хамовитого нахала всегда все покупали. Зажимали с отвращением носы свои и покупали! По запредельным ценам покупали-то все. Такова, значит, была великая сила его убеждения. А потому как – талант. И никому с этим ничего было не поделывать. Талант – он же сверху. А с небесами лучше не спорить. Лучше сразу покупать, не торгуясь и не задавая лишних в глупости своей и некомпетентных таких вопросов. Не показывать никому тупости своей, тем более такому профессионалу.

Вот таким же точно был и Жека – одним из великой плеяды талантливейших маркетологов был он в данной местности и активно продвигал в сознание незадачливых любережан и жителей близлежащих окрестностей везде узнаваемый брэнд своей великой компании. Но извините, это сейчас он стал всюду узнаваемым, а тогда, на заре базарочного нашего рынка... Тогда никто и слыхом не слыхивал об этом великом производителе стратегического продукта.

Но стоп! Сейчас не об этом. Сегодня случился редкий для капиталистической действительности выходной, и Жека отдыхал в знаменитом люберецком кабаке «Сбитый летчик». Отдыхал вместе со своим другом Коляном, известным люберецким придурком, торговавшим на потеху публике раскрашенными деревянными муляжами детородных мужских органов в знаменитом люберецком пешеходном переходе на железнодорожном вокзале. Переход был знаменит своей необычной для европейской части суши длиной и вопиющей, для той же части суши, неосвещенностью. В этом переходе всегда витало такое многообразие зловонных запахов, что знаменитость перехода от этого только выигрывала. Рейтинг знаменитости год от года увеличивался. Вмести с рейтингом быстро росла пулярность этого перехода среди многочисленных иностранных туристов, валом валивших в знаменитейший город. Все эти никому не нужные детали приводятся здесь исключительно для придания происходящему должной достоверности. Ведь каждый желающий может в любой момент приехать в этот гостеприимный город и осмотреть его исторические достопримечательности. А во время осмотра надо бы непременно познакомиться с Коляном и обязательно у него что-нибудь купить. Что без толку ездить-то? А человеку (пусть даже и слегка придурковатому) будет это приятно. Каждому ведь приятно, когда его труд оценивается по достоинству. Тем более, когда речь идет о высоком искусстве.

Посетители знаменитого люберецкого кабака «Сбитый летчик» действительно напоминали только что переживших авиакатастрофу субъектов. Помятые лица их хранили следы недавно полученных травм, а согбенные спины напоминали ранцы наспех собранных на меже парашютов. Во всем облике посетителей сквозила хроническая безнадега. Терлись здесь всегда и какие-то девицы. Всегда одни и те же. Видимо, это были стюардессы с давно сбитого где-то террористами самолета. Жека со свойственным каждому маркетологу здоровым снобизмом называл их The telki. На самом деле это были обычные проститутки. Причем

многие из них были довольно приличными девушками. Имели, например, несколько высших образований и владели двумя-тремя иностранными языками, в числе которых обязательными были английский и китайский. Но стоило им только зайти в «Сбитый летчик», как они сразу перевоплощались в обычных проституток. Видимо, царила здесь какая-то особая среда. Можно даже было назвать эту среду аурой. И аура здесь была действительно какая-то необычная, обволакивающая и всех в безнадежность свою засасывающая. Она всегда дрожала где-то под потолком. Многие думали, что это были обычные облака табачного дыма. Они ошибались. Это была она, аура. И эту необычную ауру создавали сбитые летчики и обычные The telki. Именно те, обычные The telki, которые без всякого образования проживали и всяческих никому не нужных здесь языков. Самые что ни на есть они были простые. И в простоте своей любили просто так незамысловато попрелюбодействовать за какие-нибудь небольшие деньги. Впрочем, не только за деньги любили они это делать. Могли, например, запросто ублажить угрюмого «летчика» за бутылку какого-нибудь дешевенького пива или же за какую-нибудь грошовую пачку сигарет. Они ведь понимали, как у «летчиков» тоскуют руки по штурвалу. А то еще могли вдруг заартачиться и выставить даже довольно приличный такой счетец. Да еще в какой-нибудь экзотической валюте. Не в каких-нибудь там наших баксах или евриках, а, например, в австралийских долларах или даже в английских фунтах стерлингах. Но с валютой в Люберцах никогда проблем не было. Даже с экзотической. Все дензнаки элементарно конвертировались в любом ларьке на самой большой в Европе при вокзальной площади. Поэтому эти требования The telok рассматривались, как обычные женские капризы и, как правило, мужественными «пилотами» неукоснительно выполнялись. Выполнялись, несмотря на постоянство депрессивного состояния этих сбитых героев. В отличие от пилотов-неудачников The telki, никогда постоянством никого не радовали. Непостоянны они были даже в сравнении с самыми запредельными эталонами женской стервозности. Иногда они очень даже стыдились этого обстоятельства. Этой своей неординарной непредсказуемости. И на всякий случай всегда носили в своих прическах темные очки. Темные очки ведь всегда помогали им. Помогали скрыть свои полные вечного стыда глаза. Что-нибудь отмочат в очередной раз бывалыча и сразу – раз, выдергивают свои элегантные очки из слипшейся в кабацкой ауре прически и прячут за запотевшими стеклами свои мутные от страсти к наживе глаза.

Удивительно, но точно так же вели себя в этом источавшем депрессию кабаке и воспитанные девушки. А что им еще оставалось делать в такой обстановке? В этой всезасасывающей ауре? Куда же им было здесь деваться? Некуда, конечно же. Вот поэтому и становились они тут же настоящими проститутками. И тоже носили они всегда с собой черные очки в пахнувших дешевым шампунем прическах. И в почетном труде своем были они всегда последовательны и, даже можно сказать вдохновенны. И отдавались они делу своему просто таки до самого что ни на есть конца. А иногда и до почек отдавались. По разному все у них тоже порой выходило. Все зависело порой от глубины отчаяния какого-нибудь залетного покорителя пятого океана. И нельзя было им никак иначе. Ведь к этому их всегда подспудно что-то обязывало. Что-то внутреннее и плохо формализуемое. Можно только предположить, что это «что-то» и было как раз то самое, полученное ими в детстве хорошее такое, добротное семейно-школьное воспитание.

Ну да шут с ними, с этими деталями окружающей наших героев обстановки. Вернемся лучше к описанию их творческого времяпровождения. По давней своей традиции Жека с Коляном сидели в углу зала за самым маленьким в «Сбитом летчике» столиком и глушили стаканами «Chateau Margaux». Они были уже достаточно пьяны, чтобы быть по отношению друг к другу необоснованно категоричными, но еще недостаточно для того, чтобы начать бить друг друга по лицу. Если же так немного по скрупулезней разобраться в их взаимоотношениях, то этот бестолковый Колян и не был никогда Жекиным другом. Это был обычный

придурок, с которым еще можно было как-то поболтать о глобалистических тенденциях в мировой экономике или о последствиях потепления планетарного климата. О засилии транснациональных корпораций, наконец, можно было поболтать с ним на полном серьезе, но никогда нельзя было с ним затронуть что-нибудь глубоко личное. Например, нельзя никогда было с ним пошептать о великих тайнствах мерчендайзерства.

А что еще можно было взять с этого Коляна? Он ведь был простым люберецким торгашом и ничего в настоящем мерчендайзерстве не смыслил. Однако, это не мешало ему по каждому вопросу, связанному с глубинами мерчендайзерства, иметь собственное мнение, переходившее в словесное суждение абсолютно наиглупейшего содержания. Бестолковый Колян этот, к примеру, мог на полном серьезе утверждать, что производитель любого продукта имеет в рыночной экономике более значимый вес, чем продавец, и поэтому доход от деятельности производителя должен быть много выше, чем у продавца. Ну бред же какой-то! Такого не мог бы себе позволить даже сивый мерин в Авгиевой конюшне! Одним словом – клинический люберецкий идиот!

Тем временем, Жека с Коляном начали уже периодами впадать в пьяную меланхолию. Шестой стакан «Chateau Margaux», наконец возымел свое успокаивающее действие. Это ведь только поначалу непримиримые друзья, сильно контрастировали на унылом кабацком фоне. Это только поначалу они время от времени раздражались веселым лошадиным смехом или же переходили к громким взаимно обвинительным выкрикам. Но постепенно сникли. «Chateau Margaux», как назло, никак не кончалось, а на громадном, стоящем по среди стола блюде, шевелилась приличных размеров горка сваренных в красном вине лобстеров. Слишком много заказали друзья в этот раз... Слишком много заказали. После десятого стакана длительность периодов приходящей грусти раз от раза начала увеличиваться. Этому еще и способствовала царящая в кабаке удушливая атмосфера. Рвущая душу атмосфера произошедших авиакатастроф. Надо было что-то срочно предпринимать. Иначе воскресный вечер грозился быть напрочь испорченным. Ситуацию, неожиданно даже для самого себя, спас Колян. Его уже начавшая выбивать сонную дробь по крышке стола голова вдруг резко вскинулась и понесла обычную для нее пьяную чушь.

– Ты только подумай, – орала голова Коляна на Жеку, распространяя всюду запах сгнивших в кариесе зубов, – чтобы изготовить хороший, качественный член, надо найти, прежде всего, качественную древесину, договориться о ее закупке – ну там цена, откаты лесничим и все такое. Затем, Жека, надо закупить специальный деревообрабатывающий станок. Больших бабок станок стоит. Потом рабочих надо сыскать, которые на этом станке что-то еще могут и в запой уходят ненадолго. Раз в месяц на неделю. Это я про риски и рентабельность, Жек. Потом, Жека, надо найти таких людей, которые будут вручную заготовкам членобразную эту форму придавать, головастую такую, с прожилками, как в лучших порнофильмах. А потом, Жека, это все надо раскрасить. Под нашу желтизну, под негроидную синеву, коричневость монголоидов и зеленость инопланетян. Поприкольней чтобы все было-то. И для этого, Жек, краски хорошие нужны и малопьющие люди. Краски такие, Жек, нужны, чтобы не отшелушивались сразу-то. Ну хотя бы во время продажи. Народ ведь у нас любопытный. Все норовит пощупать руками своими липкими. Особенно дамочки. Краснеют все, а все равно шупают: «Хи-хи-хи, мужу на 23 февраля подарю!» Знаем мы, каким мужьям и что эти дамочки дарят. Но сейчас не об этом. С людьми, Жек, вообще облом. Люди ведь такие-то, нужны чтобы не чаще, чем раз в месяц и не больше, чем на неделю. Улавливаешь?! Жека? Ты вот лично можешь таких челов у нас в Люберцах надыбать? Я, например, точно нет. Я тут уже каждую сволочь знаю как облупленную... Все вменяемые и адекватные, Жек, в Москву работать едут. Несмотря на то, что в Люберцах зарплаты гораздо выше. Им, Жек, вменяемым и адекватным, свежего воздуха, видите ли, здесь не хватает. Очистные тут у нас, Шатура недалеко и все такое... Вот и едут они на эту забитую окраину. Воздухом подышать.

А ты, местный производитель, крутись здесь, как хочешь. Налаживай производство со всякой пьяню.

– А сколько усилий надо, Коль, чтобы эти члены твои впарить? Ты ведь, Колян, все это реально представляешь. Ты ведь гниешь просто заживо в этом сраном переходе и прыгаешь перед всеми как дешевая проститутка: «Купите этот член от пьяного бизона! Я по глазам вашим вижу, что принесет он вам удачу!»

– (Глаза Коляна зло трезвеют) Да, Жека. Я, конечно, прыгаю. И проститутка, и все такое... Но ты ответь мне на один вопрос. Вот если не будет у меня в руке раскрашенного члена, я, Жень, с чем прыгать-то буду? Со своим? Природой мне щедро дарованным? Так его ж не купит никто! Никому он в качестве покупки не нужен. Так если только, во временное пользование кто попросит... А вот когда не будет того, с чем можно за деньги перед публикой прыгать, так мне что, по-твоему, Жек, с голоду что ли подохнуть? Или ты меня на баланс возьмешь? Вот и получается, что производитель – он всеж-таки главный в экономике, а чистой прибыли имеет меньше, чем мы с тобой, торгаши проклятые.

– Ну-ну, дружок, ты давай не путай кабель с кобелем, Бабеля с Бебелем. Это ты у нас торгаш рыночно-базарный! Мы, бизнесмены из «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION», всё ж таки на порядок-то повыше вас, улично-ларечных будем. Всё ж таки мы, как никак, мерчендайзеры.

– А-а-а, то есть вы – это как раз те, которые этикетки в торговых залах супермаркетов развешивают?

– Отстойная ты, Коль, серость.

– Может оно и так, но ты только что правильно заметил, что «как никак» вы – мерчендайзеры. Какая, на хрен, разница между вами и нами, всякими ПБОЮЛами?! У вас, мерчендайзеров долбанных, объемы только-то и больше. Ну не можем мы всю страну членами завалить! Ну нет такого у страны спроса! Очень уж специфический это продукт. А все остальное у вас – так же, как и у нас. И так же прыгаете вы по рынку, как проститутки и заглядываете дистрибьюторам в глазки. Умоляете их, чтобы они продвижением именно вашего товара занимались. Стимулируете их. А дистрибьюторы – это еще те проститутки, улыбаются вам так простимулированно, простимулированно же кивают вам головами, а продвигают товары ваших конкурентов. А все почему? Потому что конкуренты их сегодня простимулировали гораздо качественней, чем вы. Так кто же вы тогда, Жек? И чем на самом деле занимаетесь? Повышением качества стимулирования дистрибьюторов? Этаких электро-фало-имитаторов вы все время мне напоминаете.

– А у тебя одно только на уме всегда.

– Так это же нормально, Жек! Мужик всегда должен заботиться о своей состоятельности. А у вас там с этим сплошные проблемы. Судя по твоим друзьям. Посмотришь на них, послушаешь их разговоры – сплошняком просто проблемы. Нормальных людей нет. И не поймешь сходу, половина на половину: либо педерасты, либо импотенты!

– А в рыло?!

– У кого это рыло?!

– Послушайте, Николай, Вам не кажется, что наш диалог перешел в неконструктивную плоскость?

– Вынужден с Вами согласиться, сэр.

Они встают в изысканном английском полупоклоне. The telki с затаенной надеждой смотрят на них своими припухшими в скорби глазками. Бесполезно. Жека уверенно и молча следует в туалет. Его мутит от обилия съеденных лобстеров. Он заходит в туалетную кабинку, в которой оказывается почему-то четыре с половиной унитаза. Раньше Жека такого здесь не наблюдал. «С четырьмя сральниками вроде бы все понятно, – пьяно рассуждает он, – повышают качество обслуживания. Теперь можно будет продолжить беседу в сортире,

если за столом кого-нибудь или всех сразу прихватит. У нас такое часто бывает. От переедания. В основном. Но зачем еще половинка? Наверно, это со сбитого самолета. Это наверно все, что осталось от неудачливого лайнера. Не выбрасывать же. Вот и поставили для антуражу».

Жека громко зовет Ихтиандра, аккуратно между парами унитазов. Становится немного легче. Унитазы медленно ползут навстречу друг к другу и сливаются в один, но половинка так и остается стоять поодаль. Штормит. Жека садится на унитаз-трансформер. Он неуверенно закуривает настоящую, купленную на площади у Киевского вокзала, сигарету «Филип Моррис» и стряхивает пепел дрожащими руками в рядом стоящую антуражную половинку унитаза. В соседнем очке громко зовет Ихтиандра полоумный Колян. Ихтиандр почему-то долго не приходит. Но Жеке некогда уже его ждать. Очень хочется спать. Завтра на работу. Выходной близок к завершению. Жаль, конечно. Но ничего, в конце-концов, славно отдохнули. Жека медленно вырубается. Последнее, что он видит в угасающем своем сознании, это сумрак подземного люберецкого пешеходного перехода и плавающую в этом сумраке, как в невесомости, сгорбленную фигуру Коляна. Вместо носа у Коляна торчит большущий член сине-лилового цвета. Рядом с плавающей фигурой Коляна подпрыгивает какая-то сухонькая старушенция и пытается ухватить Коляна за член-нос. По лицу старушенции разлит румянец волнующих воспоминаний. Колян все время уворачивается от ее костлявых ладоней и кричит не своим, каким-то пронзительно-тоненьким голоском: «Бабуся, не трогайте, это последнее, что у меня осталось! Все продал! Резко возрос спрос! Увеличился объем продаж! У-рр-а! Я теперь тоже мерчендайзер! Смерть продажным дистрибьюторам!»

Жека вырубается. Он будет спать теперь до утра сном праведника. Спать, не обращая внимания на негодующие вопли «сбитых летчиков» по ту сторону туалетной кабинки. Не обращая внимания на их барабанные, в нетерпении своем, перестуки на дверной поверхности. Плевать! Жекин сон не могут нарушить даже призывные курлыкания «сбитых стюардесс», просачивающиеся сквозь ненадежность туалетных дверей. А утром Жека как всегда очнется в той же удобной позе, которая была принята накануне. Бодро спрыгнет с унитаза-трансформера. Побрызгает на свежее, слегка помятое и сильно опухшее лицо прохладной и чистой водой из треснувшего сливного бачка и энергично двинется на работу. На великие свои маркетинговые свершения.

Дела у Жеки действительно были великими. Ведь если бы не это Жекино великое поколение талантливейших менеджеров, кто знает, жила бы сейчас страна родная? А в то далекое время, когда несчастные лузеры шарили по одной шестой части обездоленной суши в поисках недорогой, но относительно съедобной для себя пищи, успешные Жекины подвижники весь день и весь наступивший вечер продвигали по базару рынка стратегические продукты, а по ночам зачитывались Ульбеком и Эллисом. Все вместе собирались и увлеченно так зачитывались. Нет, не все, конечно же, а только самые продвинутые из маркетологов. Остальное маркетто-менеджерское быдло (ну, к примеру, руководители уличных ларьков, колхозных прилавков и т. д.) тоже как-то кучковалось, но все больше под «Последний приказ убитого комбата» или там под какие-нибудь «Спецназ выходит из зоны огня», «Не раскрывшийся парашют резидента» и т. д... Что же заставляло их всех кучковаться? Шли бы себе домой после тяжелого капиталистического труда, да и читали себе, расслабленно развалившись в не совсем уютном кресле, сделанном еще при неориентированном на комфорт социализме, и потягивали в свое удовольствие какой-нибудь «Tuborg» или еще какую-нибудь модную жидкость. Ан нет! Как в годы реакционного царизма молча собирались они на «конспиративной» квартире, рассаживались в «революционный кружок» из жестких, не хватающих на всех табуреток и с упоением по очереди читали. И было две предпосылки для этих посиделок. Во-первых, были наши маркетологи все, как на подбор, махровыми недоучками. Ну не было у них никогда времени на учебу! Да, конечно, закончили они когда-то с грехом пополам сред-

ние советские школы, но ведь это неправильные были школы. Не тому там совсем учили, и уж очень были они скучными для будущих подвижников наступающего на страну базарного рынка. Если бы в тех школах учили тому, например, как «Жопой танк остановить» (известный постсоветский хит), тогда, наверное, какой-нибудь интерес у них проявился – танки в окрестностях Люберец в те далекие времена еще не появились, но вот-вот должны были появиться и даже немножко пострелять с горбатого мостика. Но в тогдашних неправильных школах этому не учили. Поэтому промышляли будущие маркетологи, в ущерб занятиям различного вида «фарцой». Сначала фирменными зажигалками, сигаретами, жвачкой и презервативами, добытыми всеми правдами и неправдами в предместных гостиницах типа «Интурист», а затем в ход пошла дефицитная «джинса». Вместе с «джинсой» подкралось и время получать самое высшее на тот момент в стране Советов образование. А тут уже замаячило на горизонте «новое мышление», и к единству партийных съездов начал подкрадываться некий таинственный для всех еще, но уже чем-то настораживающий «плюрализм». На мировом рынке вдруг резко рухнули цены на нефть, и оскудевшая от борьбы с пьянством казна Страны Советов начала с печальным визгом стремительно сдуваться. Мгновенно опустели полки магазинов, и в обиход опять вошли не забытые еще военным поколением продовольственные карточки. Но вдруг – о чудо! Какой-то шелест прокатился по стране! Задули вдруг свежие ветры с загнивающего Запада! И так сладко в самом начале благоухали они! Вместе с шелестом и ветрами стал вдруг слышен всей стране звук чьих-то шагов. Кто это? Чья это тяжелая и уверенная поступь? А-а-а! Да вот же замелькали с экранов их лица! Молодые еще лица наших, так сказать, младореформаторов-спасителей. Гайдар шагает впереди! За спиной флагмана развивается чей-то, неузнаваемый еще, рыжий чуб. И, наконец-то, ур-ра-а! Опустевшие были полки магазинов начали вдруг быстро заполняться. А потом начали просто ломиться эти полки, и товар попросту разбрасывался по всей торговой площади не рассчитанных на такое обилие советских магазинов. Чем только не стремились тогда попотчевать приунывших было лузеров за их же, разумеется, денежные средства! На прилавках самого убогого ларька можно было обнаружить одновременно и гламурный «Амаретто», и паленый «Абсолют», и даже деревянные кокосы с зелеными ананасами. Все посыпалось на головы бедных лузеров как из рога изобилия. Ну и какая же тут, спрашивается, могла быть в принципе учеба-то?! Когда такое «бабло» в округе вращается! А ехидный голосок внутри нашептывает: «Это скоро все закончится. Ненадолго это все. Скоро опять все и вся закроют и строжайшим образом запретят. Так что куй железо, пока Горбачев!»

И они ковали! А учиться уже совсем некогда было – поток тлетворного барахла с деградирующего Запада все усиливался, и, как ни странно, никто не думал ничего перекрывать, хватать и запрещать. Вот благодаря этому недосмотру и остались герои базарного рынка неучами по сути своей, но с новенькими свежекупленными дипломами. И вынуждены были потом участвовать в коллективных чтениях. Один, к примеру, из, на первый взгляд обычных, но на самом деле очень даже продвинутых, маркетологов умел читать со средней скоростью – одна страница в час, и словарный запас его составлял 249 слов, а вот состоявшийся топ-маркетолог мог уже осилить и полторы страницы за тот же час и обладал уже довольно таки солидным таким словарным запасом слов эдак в 300. Но не все же ведь на топах-то всю дорогу выезжать! Вот и читали маркетологи по очереди эти серьезные такие и новомодные совсем еще книжки. Мало тогда таких книжек в стране было. Не заработал тогда еще в полную силу гламурный издательский базарный рынок. И это была вторая причина коллективных ночных посиделок. Но маркетологам это было совершенно не в падлу: и слов можно было новомодных поднабраться для общения с западными партнерами в неформальной обстановке, и косячок-другой придавить на фоне быстро кончающегося «Hennessi» со льдом, доставленным кем-то по какому-то случаю с чистейшего, не растаявшего еще тогда ледника вершины горы Килиманджаро. А коллективность – это очень даже хорошо! Мар-

кетологов в последнее время западные братья постоянно пытаются обучить коллективным методам работы. Ну, там, какие-нибудь мозговые штурмы, коллективные принятия решений, ролевые игры, процессный подход и всякая такая прочая хрень. А что? Очень даже удобно. Приложение западных технологий к менталитету наших маркетологов всегда приводит к тому, что виноватых в принятии какого-нибудь неправильного решения или чего-нибудь там неисполнения впоследствии уже днем с огнем не сыщешь. И убытки списать будет уже не на кого. И это очень хорошо для наших маркетологов. Значит, продолжают свой рост коэффициенты полезности и эффективности. А вместе с ними постепенно подрастут и грейды с бонусами, и, глядишь, жить становится уже ощутимо лучше, жить становится гораздо веселее!

Вот и чешут потом репу ничего не понимающие западные представители инвесторов-акционеров, читая годовые отчеты. Никак им недокумекать, далеко не бедным, но тупым от рождения: как это так может произойти – плановый показатель объема продаж выполнен, ценовой порядок соблюден, а прибыль упала вдвое? Никак им, глупым, этого не понять. Как не понять им и фразы в отчете о выполнении бонусного плана: «Проект не выполнен. Отчет об успешно выполненной работе составлен. Процент выполнения бонусного плана – 100 %». Да и еще многого не понять им пока. Ну да, были небольшие просчеты в работе. Загнали эшелон с продукцией в Республику Алтай вместо Алтайского края. А то еще круче: в Астраханскую область вместо Архангельской. С кем не бывает? Понаплодили этих субъектов федерации. Да еще с похожими такими названиями. Черт ногу сломит! Короче, не в состоянии они у нас здесь ни в чём разобраться! Они хотят тут по-быстренькому так взять и все с ходу понять. Понять то, что нам здесь, на родной нашей территории непонятно веками! Мы тут все время дискутируем друг с другом. Непрерывно и просто без усталости друг с другом полемизируем. На кухнях и в парламентах. И все бесполезно. Ни к каким общим результатам прийти мы не можем. Ни к каким общим, устраивающим всех выводам. Кроме одного, сомнительного в поэтичности своей, уклончивого такого заявления. Заявления насчет того, что можно нам всем, составляющим Россию, только верить. Этим заявлением все заканчивается. Резко смолкают все дебаты, митинги, полемике и дискуссии. И на кухне, и в парламенте. А эти умники только приехали и уже: «А посему так? Дафайте будет разбьеремся». Пожалуйста. Давайте. Самим бы очень хотелось. Но пока пытаемся заставить себя в себя же верить. Долго и мучительно пролагаем дорогу к Храму. А в итоге все равно получается – каждый к своему.

К нам ведь с запада с этого присылают сюда самых бездарных представителей буржуазии – маргиналов просто каких-то от буржуазии! Тех, от которых там не чаяли как избавиться. Чесали постоянно репу: где бы еще открыть филиал, чтобы этого идиота туда сбagrить? Везде уже представительства пооткрывали на территориях капиталистических и развивающихся стран, а в соцлагерь не пускают. А тут вдруг раз-и такая удача неожиданно образовалась – один план сокрушил целую плановую систему. План Даллеса сокрушил-таки плановую экономику СССР, и в России, очистившейся от шелухи союзных республик, вдруг открылись филиалы многочисленных «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION». И поперли в эти филиалы западные бездари. Закончит, к примеру, такая бездарь магистратуру какого-нибудь Кембриджа по классу «Экономика, бизнес и право» и думает, что она, эта бездарь, все про это знает. И про экономику знает, и про бизнес, и даже в какой-то отрасли права что-то понимает. И приезжают нас сюда учить. Хренушки, господа хорошие. Нам начихать на ваши магисторские звания. У нас вы даже трехмесячные бухгалтерские курсы не закончили бы. У нас в течение трех месяцев могут внести десяток другой поправок в Налоговый кодекс, и тогда впадете вы со своим любящим постоянством менталитетом в состояние «тихо шифером шурша, едет крыша не спеша». И разорятся ваши компании на ваше долговременное лечение, дабы организовать вам психический «комбек».

А вы все лезете к нам со своими процессными подходами и воспитанием корпоративного духа. Пожалуйста, как вам угодно. Извольте только вовремя платить нам большую зарплату. А сами подите-ка теперь назад по цепочке придуманного вами процесса и попробуйте там в чем-нибудь разобраться. Найдите-ка теперь хоть одного виновного. Вам каждый элемент цепочки расскажет, с кем, когда и как он взаимодействовал, какие документы с предложениями и куда отправлял, что согласовывал и в какие сроки. Каждый предъявит вам сотни служебных записок и согласований. И в итоге получится, что все делали все вовремя и правильно. Все в соответствии с утвержденным вами регламентом процесса. А в результате на выходе получается громкий, ничем даже не пахнувший такой «пук». И посыпятся на вас тогда со стороны вашего родного Запада гневные телефонные звонки, и повалятся угрожающие факсы.

Но нет, они никак ни хотят уняться, бездари эти. А как же крест Маршалла, маржинализм, эластичность спроса и предложения? Где проявления основных положений теорий предельной полезности и потребительского выбора? Ну ладно, думают незадачливые западные представители инвесторов-акционеров, значит, положения этих теорий были не в полной мере учтены в ходе бизнес-планирования, не углядели, не уловили какую-нибудь новую рыночную тенденцию. И тогда западные эти бездари, исполненные недоверием к местным участникам капиталистического движения, сами погружаются в различные ORCLы, APLANA и колдуют над всякими OPEXами и CAPEXами, зачитываются аналитическими записками. При этом бездари поминутно консультируются по телефону то с Сайрбенсом, то с Оксли, а то и с обоими стариками сразу. А когда бизнес-планирование заканчивается и оба старика остаются довольны его итогами, западные бездари впадают в счастливый транс. До момента подведения следующих годовых итогов. До очередного града обидных звонков и язвительных факсов из раздраженного отечества.

А нашим маркетологам – хоть трава не расти. По барабану им все. Регламент выполняем, бумаги вовремя оформляем и шлем куда надо. Баблосы платят эти придурки – и ладно. КПЭ растет. Бонусы с грейдами тоже постепенно подрастают. Че еще надо нашим маркетологам? Ниче им, в натуре, больше не надо. На дорогое бухло и наркоту хватит! Ну, там на Париж еще... А может еще на поддержанную «бэху» хватит? Нет, это вариант для лузеров. Лучше в Париж. Это прикольной.

Вот это, господа хорошие, и есть наш базарный рынок. Не нравится вам он почему-то? Почему? Он ведь прикольный такой в непредсказуемости своей. Не нравится непредсказуемость? Тогда катитесь отсюда к едреней фене в свою предсказуемость и стабильность! И никогда больше сюда не приезжайте. Даже по турпутевкам больше никогда сюда не лезьте. Потому как один вред от вас всегда земле русской. И деньги, которые вы сюда привезете, заплатив за эти турпутевки, наверняка, будут потрачены на какую-нибудь катастрофу. На какой-нибудь Трансвааль парк. А потому что такая у нас с вами судьба. Вот и не приезжайте. Вам же лучше от этого будет. А мы вас все время любили и любим до сих пор. Сами не знаем, за что (это давно подмечено классиками: «За что у нас так любят иностранцев?!» В. Высоцкий), но хотим, чтобы вам всегда было хорошо. Поэтому, многие вам лета!

А были бы вы немножко поумней, то делали бы все по-другому. С нашим маркетологом ведь как надо? Вызываешь его, ленивца этого и хронического алкоголика, и говоришь ему, например: «Жека, короче, надо сделать то-то и то-то. Я не знаю, как ты это все будешь делать, и можно ли это сделать вообще, тоже не знаю. На вот тебе денег – все твои. И чтобы к утру все было. Не будет – убью, сука!» И все, больше ничего не надо. К утру все будет. Хоть Пизанская башня посреди Красной площади! Жека сразу определится, с кем и о чем надо срочно переговорить, с кем выпить, кому на лапу сунуть и сколько сунуть. И тут такое начнется!!! Мигом будут проведены соответствующие экспертизы и изыскания, получены необходимые разрешения, разработаны всевозможные проекты, закуплены стройматериалы

и необходимая техника. Тут же формируются строительные бригады, и вот уже к полудню в центре Красной площади вовсю уже трудятся экскаваторы, а к утру – пожалуйста полюбоваться на близняшку красавицы из города Пиза. С тем же (до долей градуса!) наклоном! Вот так надо, господа, работать в России. И при этом дешевле все у Жеки получится. И все будут счастливы: продажные эксперты и чиновники, халтурщики-проектировщики, халтурщики-строители и т. д. И Жеке еще останется. На лечение в диспансере до глубокой старости. А вы все носитесь со своими регламентами несуществующих процессов. Или же процессов вполне реальных, но ведущих в никуда. Счастливого, как говорится, вам пути на бескрайних просторах нашего бизнес-пространства. Но абсолютно нет никакого желания вам что-то подсказывать. Не хочется участвовать в вашем обогащении. Работайте так, как вас учили в ваших Оксфордах. Есть полная уверенность в том, что книгу эту вы, господа магистры, никогда не прочитаете. Поэтому и пишется здесь о полишинелевых секретах нашего рынка так открыто. А по уму – надо бы засекретить. Поставить гриф, например: «Только для российских маркетологов». И ознакомливать маркетологов с содержанием только при предъявлении ими специальных документов.

А вот насчет ваших попыток, господа, привить нашим маркетологам корпоративный дух во время проведения корпоративных вечеринок или выездов на природу можно сказать, что это вы здорово придумали! Духа этого коллективного у наших маркетологов и без вас всегда хватало. Было кому прививать этот дух и без вас. Ваша заслуга состоит в том, что все это укрепление стало происходить на халяву. Раньше (до вашего прихода, господа) маркетологи собирались, конечно же, по случаю, за праздничными столами, но исключительно за свой счет собирались. А тут такая нечаянная радость – коллективная пьянка, да еще на халяву! Дашь укрепление коллектива! И это правильно. В коллективе ведь все оно как-то попроще получается, как в той песне поется: «А в коллективе все легко – ты водку пьешь, как молоко...». Хотя насчет халявы, господа, у многих до сих пор большие сомнения имеются. Потому как не можете вы просто так от души... Наверняка ведь от годового фонда оплаты труда чего-нибудь открысачили? А, господа?

Да шут с ними, с господами с этими бестолковыми, пребывающими в своем мнимом величии. Вернемся к нашим маркетологам. Они еще не успели стать господами в полной мере и поэтому они нам более интересны. Особенно интересен богатейший их внутренний мир. Именно он, внутренний этот мир, тянулся к различного вида душещипательным литературным произведениям. Произведениям, написанным где-то по границе обыденного и сумеречного сознаний. Произведениям, написанным о психопатах и для психопатов. Произведения эти принадлежали неистовым перьям неких господ, носящих фамилии Ульбек и Эллис. Может быть, это и не фамилии вовсе, а какие-нибудь псевдонимы? Такое ведь придумать невозможно. Такое можно только прожить. И напечатать это под своей фамилией, значит доверительно поведать всему миру информацию интимно-конфиденциального характера. Ну, например, сообщить всему миру о том, что ты являешься постоянным посетителем психотерапевтического кабинета, а в периоды обострений приезжают к тебе мощные ребята-санитары из психлечебницы и, не реагируя на твои буйные протесты, увозят в известном направлении на какое-то время. А потом ты все же возвращаешься, чтобы поведать и без того дуреющему миру о своих патологических проблемах в виде следующих своих «произведений». Хотя некоторые критики очень восторженно отзываются об этих авторах. Есть подозрение, что этих критиков мучают те же проблемы, что и авторов. И описывают они свои восторги от прочитанного в короткие минуты между принудительными лечениями в стационаре.

Но почему-то волнуют все эти проблемы и наших замечательных маркетологов. Теребят, попросту, их пропитанные гламуром души. В этих психопатических произведениях ведь абсолютно все можно найти. И одиночество тут присутствует. И полное отсутствие возмож-

ности самореализоваться. А особенно тонко, подробно и с особым вкусом рассматриваются там проблемы эрекции и преждевременной эякуляции. В общем, полный набор капиталистической безнадёги. И все это становится постепенно очень близким нашим маркетологам. Особенно проблемы своевременной и устойчивой эрекции их с некоторых пор вдруг взволновали. А вот проблема преждевременной эякуляции их просто могла надолго ввести в состояние глубокого ступора. Отчего все это? Откуда вдруг все эти проблемы у молодежавых еще и внешне свежих (несмотря на некоторую благородную одутловатость лиц) маркетологов? Дальше станет все немножечко попонятней. Но не более того. Разгадать абсолютно все секреты маркетингологической души вряд ли кому удастся в ближайшем будущем. Но по мере погружения в их проблемы кое-что все же должно проясниться. Должна приоткрыться, хотя бы слегка, некая таинственная завеса.

Так какой же стратегический продукт «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION» продвигал Жека на российском базарном рынке? Что из стратегического мы не умеем до сих пор сами производить? Ракеты самого что ни на есть стратегического назначения вроде бы как-то сами пока делаем. И даже иногда получается у нас их хоть куда-нибудь время от времени, но все же запустить. И при этом еще иногда удается и самим запускающим в живых остаться. Редко, но бывает. Что же еще надо нам такого стратегического? А-а-а, что-нибудь из продовольствия, наверное! Вон депутаты перед выборами любят рассуждать о стратегических запасах зерна. Но зерно-то у нас тоже вроде есть. Даже псевдокормилице всего СССР, «ридной неньке Украине» его уже начали продавать. То есть, если вы насчет того, чтобы что-нибудь покушать – у нас на каждый день всегда хоть чего-нибудь да найдется. Что же мы еще каждый день делаем? А-а-а, ну да, конечно же! Это очень интимно все. Назовем эту операцию следующим образом: естественное выделение продуктов жизнедеятельности. Или же выделение естественных продуктов жизнедеятельности. Мы на этом уже когда-то останавливались, рассуждая о проблемах современного искусства. И какая, собственно, разница, как сформулировать название этого процесса? У нас что с одним названием, что с другим нет абсолютно никаких проблем. Выделяем повсеместно и по полной программе. Иногда, правда, возникают некоторые недоразумения с естественностью выделяемого. Так и пытаются порой нас недобросовестные производители втихаря генно-модифицированными продуктами накормить. Ладно бы еще бесплатно. Мы бы, может быть, в конце концов как-то смирились. Всякие негативные последствия, они ведь когда еще только наступят-то. А может и не наступят вовсе. А халява – она уже сейчас! И много ее, халявы! Но нет, не идут на это недобросовестные производители. Хотят нас за наши же деньги накормить продуктами-мутантами! Однако мы как можем сопротивляемся, и естество возвращается вновь.

Так что с продовольствием вроде бы все нормально у нас, хоть и кричат некие паникеры о нашей продовольственной зависимости. Но мы им не верим. Не может же наше государство так с нами поступить. Посадить нас на продовольственную иглу Европы или, не дай Бог, еще на какую иголку. Например, на напичканные антибиотиками «ножки» дядюшки Сэма. А если государство все же нас в очередной раз обманет – рванем по лесам и наедемся глюкогенов-мухоморов (благородных-то грибов на всех явно ведь не хватит уже). И тогда не останется ни государства, ни Европы. Видимо государство и Европа это понимают. Понимают и стараются этого беспредела не допустить. Пытаются вообще искоренить у населения привычку шляться по лесам в поисках какой-либо пищи. Чтобы все по-европейски было. Там ведь никто ничего из леса не тащит уже которое столетие подряд. Там и лесов-то уже давно нет. Остались одни парки с асфальтовыми дорожками. Вот и нас пытаются хорошим манерам обучить. И заваливают страну безвкусными и ничем не пахнущими шампиньонами. А чтобы не так все было пресно, в нагрузку к шампиньонам бесплатно выдают солонущие, имеющие явное химическое происхождение и отстойные такие бульонные кубики, источа-

ющие суррогат грибного запаха при термической обработке. Но народ этим не обманешь. Народ из этих фальшивых кубиков изготавливал средство от тараканов. Нахлебавшись вдоволь этой гадской смеси тараканы впадали в затяжную депрессию. Побыв достаточно большое количество времени в пресквернейшем настроении, тараканы, наконец, сбивались в небольшие стайки и покидали территорию страны. В настоящее время народ уже и забыл, как они выглядят.

Но позвольте, неужели у нас так все хорошо? А как у нас обстоят дела с таким стратегическим продуктом, как туалетная бумага? Ну конечно же, очень плохо. Так и не научились свою, качественную выпускать. Какую-то дрянь выбрасывают постоянно на базарный наш рынок с извечным призывом поддержать отечественного производителя. Непатриотизмом постоянно укоряют. Но тщетно! Народ двумя ягодицами проголосовал за продукцию «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION». Во-первых, она гораздо мягче – не чета отечественной «наждачке». Во-вторых, она прочнее – не требуется большого расхода мыла после окончания жизненно важной процедуры. Ну а, в-третьих, народ проголосовал ягодицами за справедливость. Наш ведь производитель не погнушается и напишет на блеклом рулоне «72 метра». Народ почешет одну, а то и обе ягодицы сразу. Затем берет в руки рулетку и начинает себе терпеливо так отмерять. Целый день на это может потратить – так любит справедливость наш народ. И в итоге: все правильно, что, собственно, и ожидалось! Что и следовало в конце-концов доказать! Вывести, так сказать, на чистую воду. В рулоне оказывается всего 50 метров. «Да нет же, – начинает выкручиваться наш производитель, – мы же имели в виду известное всем кино. Его даже по телеку показывали. Кино так и называется: «72 метра». Там про наших моряков-подводников показывается. Романтика! Вот и решили мы для большей привлекательности продукта такое название написать на обертке! А внизу там же указано, что действующая длина составляет 50 метров! Мелко написано? Мы что, должны были еще и очки для Вас в рулон завернуть?» Поэтому народ решительно отвергал такое лукавство и покупал исключительно продукцию «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION».

Откуда у народа появился вдруг такой циничный непатриотизм? Все отсюда же – от попранной справедливости. Потому как у «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION» все было четко. Яркая этикетка и на ней по-бухгалтерски достоверная информация крупным шрифтом: «60 (шестьдесят) метров». Народ снова погрузился в исследования и вооружившись рулеткой выяснил – 50 метров точно есть, а после этой отметки надпись: «10 метров бесплатно!!!» И действительно еще десять метров. И такая это народу нечаянная радость! Такая экономия семейного бюджета! Теперь можно уже было даже задуматься о поездке к теплему морю.

Но не сразу удалось прийти к такому успеху. Несмотря на очевидные качественные преимущества продукта, завоевать доверие народа было очень и очень даже непросто. Это ведь только на первый взгляд «хи-хи». На самом деле это очень тяжело продвигать товар по едва зародившемуся базарному рынку и завоевать наконец доверие не раз обманутого иностранцами народа. Но если за дело взяться серьезно, не по детски, по взрослому, значит, взяться, то дело это ой какое важное и чрезвычайно хлопотное. И, почуяв запах удачи, Жека очень сильно возбудился и начал не по-взрослому, а можно сказать, по-китайски начал он упираться.

Первым делом из описательной части бренда на рекламные щиты перекочевали сомнительные заверения об экологической чистоте и даже целительных свойствах предлагаемого продукта. Лузеры велись и килограммами скупали шершавый продукт в надежде избавиться от геморроя и предотвратить наступление более серьезных заболеваний безмерно дорогой каждому сердцу самой прямой своей кишки.

С этой целью помимо ежедневного проведения банальной протирачно-подмывочной деятельности, лузеры регулярно употребляли продукт во собственную нутрь в качестве целительной пищевой добавки. Употребление внутрь происходило еще и с совершенно другой стороны пищевода. Для этого лузеры стремились придать продукту округло-продолговатый вид и иногда даже умудрялись вымочить его в какой-нибудь очередной разрекламированной дряни. И только после выполнения этого далеко не полного перечня возможных оздоровительных мероприятий, лузеры приступали к употреблению продукта по одному из заранее выбранных назначений. И не надо только очень уж узко так рассматривать эти назначения. Талант маркетологов постепенно превратил продвигаемый на глобальном люберецком и прилегающих к нему окрестных рынках продукт в разряд товаров действительно первой необходимости. А первая необходимость – это вам не шуточки. Вопросами безопасности поставок продукта, ставшего стратегическим, тут же озаботилось само правительство. Чем дальше в лес, тем толще партизаны – далее прочно вошло сначала в моду, а потом и в свято соблюдаемую традицию дарение продукта на различного рода радостные торжества. Значимость торжества определяла количество даримого продукта. Например, если свадьба – по 10 кг или 30 км каждому брачующемуся обычно дарят, совет вам, как говорится, да любовь. На первое время хватит вам. Или же проводы на пенсию в трудовом коллективе – 3 кг или 9 км надо было подарить, потому как понятно, конечно же, всем без исключения, что недолго старичку-то уже осталось. Он, старикан этот, может даже и пройти-то столько уже не успеет, не то что... гхе-гхе... Но устроить старикашке маленький праздник все таки необходимо – старикам у нас до сих пор везде только почет. Правда хоть он и один у стариков остался, почет этот, больно он все же хлипким каким-то стал. Порой почет этот простирается только до родного для старика порога. А как переполз старикашка порог этот... Там, за порогом за этим, тоже все по разному может для него сложиться.

Вот таким вот образом лузерский непатриотизм способствовал просто-таки катастрофическому росту капитализации компании и довольно-таки ощутимо улучшал качество собственной Жекиной жизни. Качество этой бурной жизни уже начало было достигать нормальных для топ-менеджера размеров и вдруг такая вот случилась незадача. Такая, видите ли, досадная упала неожиданность на бугристую Жекину голову. И не только на голову. Но об этом чуть ниже. А сейчас, когда нездоровье это его вдруг плотно окутало, появилось у него наконец-то время и о душе своей исчезающей подумать. Вернее, об ее исцелении. Целый месяц терялся он в догадках: чем же может быть так больна безгрешная душа чистого помыслами маркетолога?

И тут вдруг обожгла его внезапная мысль! Произошло наконец-то это знаменательное, судьбоносное прямо-таки по сути своей озарение! И где? В этом банальном предбаннике, в котором он продолжал сидеть пока мы так долго описывали его базарно-рыночные подвиги. Конечно, хотелось ему, чтобы пораньше это озарение на него снизошло. Но тут ведь как? Каждому – свое. Это понимали даже безмозглые фашисты. И иногда даже вешали в своих жутких концлагерях транспаранты с этим циничным утверждением. А может даже и вовсе не циничным. Все ведь мы в чем-то разные. И приход у всех наступает по-разному. Тут ведь многое от изношенности организма, от какого-нибудь внутричерепного давления может все зависеть. А вот почему же событие это произошло совершенно случайно? Да потому что ничего этому не предшествовало. Ничего, казалось бы, особенного не происходило, сидел себе Жека, посиживал в прохладном, стилизованном под английский паб предбаннике знаменитой городской люберецкой бани. Сидел он очень даже уверено и устойчиво – на двух ягодицах одновременно сидел. Не обращал он совершенно никакого внимания на позднее время и внутриутробный плеск двух литров шотландского виски, глухо низвегающегося в нижние пределы оставшихся фрагментов пищевода. Отдыхал он, физически бессиленный и местами даже психологически опустошенный. Отдыхал от неистового «боди-

кача» и активных температурных воздействий со стороны агрессивной окружающей среды. Позвольте-позвольте, какого еще «боди-кача»? С температурными воздействиями вроде бы все понятно. Баня как-никак. А «боди-кач» – это ведь что-то вроде бодибилдинга? Это ведь много времени отнимает. Когда же успешному маркетологу этим заниматься? Да еще на фоне постоянного употребления горячительных напитков и баловства с травкой и коксом. От этого ведь никуда не уйти. Всем понятно, конечно же, что без непрерывного употребления напитков, временами прерываемого курением травки и дыхательными же упражнениями с коксом, долго маркетологом не проработаешь. Не справишься с нагрузкой. А тем более, в такой солидной фирме, как «OBSERVANT PUC-PUC COD INTERCORPORATION», точно долго не протянешь. Завалишь первое же порученное дело. И выгонят сразу. Сразу и навсегда. И, пожалуй, дальше, чем находится аутстаффинг, могут выгнать.

А чтобы не выгнали, чтобы всегда быть равным среди равных, приходилось каждому маркетологу с самого что ни на есть утра, иногда даже можно сказать, с самого что ни на есть спозаранку, превозмогая удушливо-глубокое отвращение и с трудом сдерживая подступающую тошноту, поглощать эти многочисленные разновидности «Jamoson» и «Hennessi», а короткие минуты отдыха между поглощениями заполнять торопливым и нервным сворачиванием мастырок «плана» из свежих «Playboy», «Penthouse» или же новейшего российского глянцевого журнала «Туалетная бумага. Где лучше купить. Как лучше продать». А преодолев сопротивление плотной глянцевой бумаги, менеджер, глубоко и часто затягиваясь, приступал всякий раз к непрерывному размышлению об оптимальном планировании бизнес-кейса. Когда глянцевая бумага все же заканчивалась, а новую партию дорогого алкоголя еще не успели доставить, в ход шли бодрящие «коксовые дорожки». Не только для бодрости использовали это природное средство маркетологи – оно очень хорошо помогало от банального насморка. Так что простудившиеся маркетологи каплями «ДляНос» никогда не пользовались. И были благодарны они тем далеким чумазым шахтерам, этот кокс для них из преисподней добывающим. Читали маркетологи когда-то в детстве про глубокие угольные разрезы стремительно тающих запасов этого стратегического сырья. Они думали, что все уже давно закончилось. Ан нет, хватало этого сырья в Люберцах с избытком. Столица как-никак. А в столице не принято пользоваться «химией». Вот и не баловались никогда столичные маркетологи никакими суррогатами. Применяли они для лечения исключительно народно-природные средства. Не забывали никогда они о своем здоровье. Это было стилем их напряженной жизни. А поэтому и вырывали они, просто с мясом вырывали хотя бы два часа в сутки для неистового «кача» в ближайшем от офиса фитнес-центре. Для этого надо было только в спортбар фитнес-центра предварительно организовать завоз небольшой партии «Jamoson» и «Hennessy VSOP». А как иначе? Иначе какой же это тогда «кач»? Весь спортивный мир сидит на допинге и постоянно поднимает планку казалось бы уже давно предельных рекордов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.